



Владислав
КРАПИВИН
БАБОЧКА НА ШТАНГЕ

Стальной волосок

Владислав Крапивин

Бабочка на штанге

«наследники Крапивина»

2009

Крапивин В. П.

Бабочка на штанге / В. П. Крапивин — «наследники Крапивина»,
2009 — (Стальной волосок)

ISBN 978-5-08-005293-4

«Стальной волосок» – это книга о жизни нескольких поколений детей сибирского городка Турени. Она состоит из трех романов: «Бриг „Артемиды“», «Гваделорка» и «Бабочка на штанге». У героев последнего романа «Бабочка на штанге» те же проблемы, что и у большинства современных подростков. Они учатся в школе, конфликтуют с учителями, не всегда ладят с родителями. Но у них чуткие души и верные сердца, неравнодушные к творящемуся в мире злу. Они пытаются своими, ребячьими способами восстановить нарушенное «поле доброты» или, как говорит один из героев, «разломать хотя бы один жестокий дисбаланс» – с помощью доброго поступка, маленькой радости, доставленной другому, или же просто улыбки. И кажется, им это удастся. Для среднего школьного возраста.

ISBN 978-5-08-005293-4

© Крапивин В. П., 2009

© наследники Крапивина, 2009

Содержание

Пролог	7
Часть первая. Люди и куклы	8
Педагогика тети Аги	8
Мама, папа, Лерка и я	16
Флейтист	23
«Вермишель быстрого реагирования»	31
Бумсель	38
Гравитация	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Владислав Крапивин Бабочка на штанге



В. Крапивин

Разговор с внуком в августе 2007 года

– Дед, ты что сейчас делаешь?

– Работаю.

Через полчаса:

– Дед, а сейчас что делаешь?

– Я уже говорил: работаю...

– Ну что это за работа! Сидеть на диване, глядеть перед собой и не двигаться!..

А дед в это время придумывал книгу, которую теперь посвящает своему внуку Петьке – барабанщику и подшкиперу парусной флотилии «Каравелла».

Редактор:

– По-моему, в этой повести нет ничего нового. Нет открытия...

А втор:

– Это не открытие, а закрытие. Способ сказать: «Всего хорошего, ребята...»

Разговор в издательстве

Пролог

За два дня до начала августа мы с Чибисом поссорились. Вернее, он со мной поссорился, я-то вот ни на столечко не считал себя виноватым. Ну и ладно! Не такие уж мы были друзья, чтобы я из-за этой ссоры страдал с утра до вечера. Подумаешь!..

Однако пострадать могли другие. Вдруг четыреста девять (или даже четыреста семнадцать) галактик в скоплении М-91 ускорят разбегание? Хотя... нехорошо, конечно, так рассуждать, однако галактики мне были по фигу. Их, галактик-то, во Вселенной больше ста миллиардов, и если из-за каждой станет болеть голова... К тому же они все у черта на куличках. Не верится, что они как-то могут влиять на здешние дела...

Была, правда, опасность поближе. Астероид 1999 Юта-Б мог сдуру отклониться от орбиты и вляпаться в земную поверхность. Вот получился бы звон! «Камешек» – то диаметром больше километра. Но и это меня почти не беспокоило. Про такие астероиды мы слышали уже не раз, и все они благополучно усвистывали мимо.

Но вот что никак бы не «просвистело мимо». Без нашей Улыбки ребячий Пуппельхаус в поселке Колёса не стал бы таким, о каком все мы мечтали.

И все же до последнего момента я не тревожился. Чибис не такой человек, чтобы из-за обиды наплевать на общее дело. Я был уверен, что он принесет ключ. А он...

Часть первая. Люди и куклы

Педагогика тети Аги

В нашем классе он появился в сентябре прошлого года. Раньше он жил на другом краю города, учился в неизвестной мне школе номер семь. Потом его мать и тетка почему-то поменяли квартиру.

Невысокий такой, шуплый, с перепутанными светлыми волосами, острым носом и тонкой шеей. А на затылке у него торчал длинный хохолок с загнутым концом. Это само по себе – причина для птичьего прозвища. А как узнали, что он Максим Чибисов, так сразу он и стал Чибисом. И не спорил. Но в обиду себя не давал. В первый же день он показал характер.

У нас в шестом «Б» ребята были всякие, и среди них – Гаврила Гречихин, по прозвищу Крупа (то есть «Мешок с гречкой»). Любил показать себя крутым, особенно перед незнакомыми. На перемене подошел к новичку, отставил ногу, проехался по нему взглядом.

– Ну, чо скажешь, птица Чибис? Как будем жить? По понятиям или по «Правилам для учащихся»?

– А просто по-человечески нельзя? – Прозрачные сине-зеленые глаза «птицы» были то ли боязливыми, то ли... еще какими-то.

– Вот я и говорю: по человеческим понятиям! – старательно обрадовался Крупа. – А это значит, что от новенького требуется вступительный взнос. Сто тугриков на нужды коллектива...

Коллектив никакого взноса не хотел, но ждали молча. Любопытно: как отзовется новичок?

– Всего-то? – негромко отозвался Максим Чибисов. – А может, сразу триста?

– Ты... это в натуре? Или елочку украшаешь? – слегка растерялся Крупа.

– Конечно, елочку, – прежним тоном разъяснил новичок. – Нету у меня ни трехсот, ни сотни. Только пятак. Но и его я не дам, ты не заработал...

– У-тю-тю... – запричитал Крупа. – Какой принципиальный мальчик, прямо Тимур и его команда! А хочешь пластическую операцию на личике? – И потянул растопыренную пятерню. И при этом повернулся к новичку боком. – Ик...

Это Чибисов ткнул его между ребер острым локтем. И тут же деловито стукнул Кругу кроссовкой под колено, а ладошкой толкнул в плечо. Крупа – и в самом деле, как мешок! – осел на половицы.

Правда, он сразу вскочил – тяжело, но быстро. Завелся, как стереомаг:

– Ты-ы! Гнида пернатая! Да я... ик...

– Не суйся, а то получишь еще, – ровным тоном пообещал Чибисов.

– Парни, вы слышали?! – Крупа охватил всех ребят взглядом, в котором горела жажда справедливости. – Как он на наших!

Но «парни» смотрели без сочувствия. А очкастый Бабаклара сказал:

– Крупа, сократись. Он ведь честно предупредил: не наезжай...

Бабаклара был авторитет. Побольше, чем Крупа. И не за счет мясистости и нахальства, а за счет способности мыслить. В четвертом классе наша прежняя учительница Анна Владиславовна однажды назвала его «бакалавром» – за любовь к рассуждениям. Слово понравилось. Но выговаривать его умели не все, и скоро Шурик Лопаткин превратился в Бабу Клару, а потом просто в Бабаклару. И не возражал. Понимал, что не имя красит человека...

Ну вот, Бабаклара поставил точку в споре, и Крупа побрел к своей парте, обещая разделиться с Чибисом позже.

И стал Чибис нашим одноклассником.

Несколько дней после стычки Крупа глядел на Чибиса косо, цедил себе под нос: «Приемчики знает, паразит...» Хотя Чибис, по-моему, не знал никаких приемчиков, просто не был трусом. Но и задирой не был, никогда больше ни с кем не подрался. А случай с Крупой постепенно забылся.

Соседкой новичка по парте стала Люся Кнапкина, спокойная такая, вроде самого Чибиса. Они вполне ладили, но друзьями, видимо, не сделались. Да и вообще ни с кем Чибис не подружился, хотя и не ссорился никогда. И ничем не выделялся. И оценками не блистал. Только в диктантах не делал ошибок да английские абзацы переводил с лету...

И говорил всегда негромко. Иногда – себе во вред.

– Чибисов, ты можешь декламировать повыразительнее? Это Лермонтов, а не инструкция для мобильного телефона!

– У меня не получается...

– Садись! «Четыре» с минусом...

Он слегка пожимал твердыми плечами форменного пиджака: мол, с минусом так с минусом...

Лишь в конце учебного года Чибис оказался опять в центре внимания.

Наша школа всегда считалась «самой-самой». Элитной и выдающейся. «Дети, вы же знаете, на каком счету в городе ваше учебное заведение! И не нарушайте традиций!»

Одной из традиций был «академический внешний вид»: темно-синие отглаженные костюмы, белые рубашки и серые в голубую крапинку галстуки. Ну, в галстуках (в крапинках то есть) еще допускалось некоторое разнообразие, а в пиджаках и брюках... Когда несколько старшеклассников появились в джинсах, учительскую захлестнула истерика. Правда, на уроках, если очень душно, разрешалось снять пиджак и повесить на спинку стула. Но ведь не будешь таскать его снятым, когда переходишь из кабинета в кабинет. Вот и жарились. Особенно тяжело было, если за окнами летняя погода.

Такая погода свалилась на город после праздника Победы. Сразу все зазеленело, по кюветам – россыпи одуванчиков, асфальт начал размякать от жары. А мы по-прежнему – в одежде банковских клерков...

Чибис же в середине мая, в понедельник, явился в школу в летнем костюмчике.

Дежурные у входа открыли рты, не сказали «стой!». Может, решили, что мальчик не из нашей школы и пришел не на уроки, а по другому делу – например, к маме-учительнице.

Если бы Чибис появился в каких-нибудь камуфляжных бермудах или обрезанных джинсах и рубаше с навороченным рисунком, тогда еще туда-сюда – просто «вопиющий нарушитель школьного распорядка». Но он выглядел как детсадовский ребенок-манекен с витрины «Детского мира». Коротенькие светло-серые штаны с вышитым на боку динозавриком были пристегнуты на двойные пуговицы к такой же отглаженной рубашечке с накладными карманами и белым воротничком. Правда, рубашку украшал привычный форменный галстук. Словно доказательство, что мальчик – ученик этой школы.

Итак, дежурные девятиклассники хлопнули губами и молча вытаращили глаза. Так же все таращились на Чибиса в вестибюле и в коридоре. И в классе. Но в нашем шестом «Б» народ в общем-то деликатный, не стали разглядывать нарушителя в упор, только незаметно пожимали плечами да в сторонке кто-то бормотнул:

– Ну, Чибис дает...

И лишь Бабаклара задал прямой вопрос:

– Не боишься, что Мама Рита поперет тебя вон за нестандартную внешность?

– Не поперет. Они сговорились, – угрюмо отозвался Чибис, вешая на крючок парты рюкзаки. Он держался сумрачно и спокойно, однако понятно было, что стесняется.

– Кто сговорился? – удивились разом несколько человек.

Чибис объяснил сквозь зубы:

– Маргарита и... тот, кто озабочен моим воспитанием.

Толстый Даня Панкратов, который всегда больше всех страдал от жары, выговорил:

– Мне бы таких озабоченных. А то скоро копыта откину в этом сукне...

Забренчал звонок, и возникла наша дорогая «классная мама». То есть Маргарита Дмитриевна. Она учила нас русскому и литературе.

– Рассаживаемся быстро! Почему вы всегда пыхтите и возитесь, как усталые буренки в стойле?

Мы пыхтели и возились, потому что стягивали пиджаки. За открытыми окнами нарастал зной и вливался в класс.

– Неужели нельзя снять свою амуницию заранее?... Кто не сделал домашнее задание, признавайтесь сразу, тогда, так и быть, обойдемся без двоек. А кто ничего не написал, но будет сидеть с умным видом... А, Панкратов! У тебя в тетради, конечно, чисто, как в снежном поле?

– Нет, у меня вопрос, – пропыхтел Даня и поднялся, стягивая тесный рукав. – Почему одни имеют право ходить в летних шмотках, а другие должны жариться, как в инкубаторе?

– Это ты о чем, Панкратов?

– Это он о Чибисове, – ласково подсказала Наташка Белкина, ехидная такая личность.

– А! Здесь особый случай! Чибисов не «имеет право», а «обязан» ходить так. По настоянию его тети. Она решила, что он вообразил себя чересчур взрослым и позволяет выходки, несвойственные школьнику двенадцати лет. Вот пусть и ощутит себя снова ребенком в коротких штанишках.

Сразу, конечно, раздались вопросы: что за выходки?

– Это вы спросите у него! Пусть расскажет... если хватит храбрости.

– У него, наверно, хватит, – сказал Баба-клара. – Но мы не будем спрашивать, это неэтично...

– Неэтично заниматься болтовней на уроке и отвлекать учителя... Быстро открыли тетради!.. Панкратов, тебе особое приглашение?

– Наверно, сигареты смолил за сараем с соседскими пацанами. Вот и все грехи, – заметил Даня.

– Или лазил по сайтам с эротической тематикой, – догадливо сказал Юрик Демьянов, по кличке Анчик (сокращенно от «Анекдот»).

– Чо по ним лазить-то! – зашумели в классе. – Этого добра теперь в телике на любом канале, только включи... Аж тошно...

А Крупа высказал догадку, что у Чибисовой тетушки просто «поехала крыша».

– Да, – согласился Бабаклара. И академически разъяснил: – Она не сознаёт, что коэффициент взросления школьника зависит не от фасона штанишек, а от того, что у них внутри.

Все затихли и с любопытством ждали: как отнесется к такому суждению Мама Рита? Она помолчала и утомленно произнесла:

– Убирайся. Из класса и из школы. И чтобы без родителей сюда ни ногой...

Бабаклара неспешно уложил рюкзак и направился к дверям. На него смотрели с завистью. Знали, что до завтра Мама Рита забудет его реплику (да и что он такого сказал?), а сегодня у человека – подарок судьбы, выходной...

Больше про Чибиса не говорили и не обращали на него внимания (или делали вид, что не обращают). Лишь Наташка Белкина один раз не выдержала, показала свою натуру.

После третьего урока мы, забрав рюкзаки, отправились из кабинета математики в кабинет биологии, но оказалось, что он еще занят: семиклассники заканчивали какие-то опыты. Мы расселись на подоконниках. Я оказался у окна вместе с Чибисом, подпрыгнул, сел рядом. Сидеть молча было неловко, я спросил:

– Можешь перевести два абзаца по английскому? Я не успел...

– Давай учебник...

Он положил книгу на незагорелые коленки и в одну минуту пересказал мне русский текст. Внятно и толково.

– Запомнил?

– Конечно... Слушай, где ты так научился английскому? Прямо как... Гарри Поттер какой-то...

Он усмехнулся:

– Все та же тетушка! Она раньше работала переводчицей. А меня натаскивала с трех лет. В общем-то правильно делала...

Тетушка Чибис представилась мне этакой сухопарой дамой вроде постаревшей Мэри Поппинс.

– Строгая особа, да?

– Угу... – охотно согласился Чибис. И вдруг объяснил: – По правде говоря, она даже не родственница. Просто соседка. Но мы живем вместе с давних пор. Она еще мать воспитывала в ее девчоночьи времена. Та ей до сих пор ни в чем не перечит. И меня отдала ей... в полное распоряжение. Тем более что самой некогда меня учить уму-разуму...

– Почему? – машинально спросил я.

– Она проводница на дальних поездах.

– А... отец? – дернуло меня за язык.

Чибис ответил коротко:

– Сапер был. Под Грозным...

Я выругал себя и заткнулся. А Чибис проговорил беззаботно (может, излишне беззаботно):

– Наверно, пора закусить... – и вытащил из рюкзака пачку печенья. Видимо, он, как и я, не ел школьные обеды.

– В столовую не ходишь?

– Ну ее... эти сосиски тошнотворные...

– Я тоже не люблю...

– Хочешь? – Он протянул пачку.

Я взял две твердые галеты... Хорошо, что не сладкие. Но плохо, что сухие. У меня в рюкзаке была баночка спрайта, я вытащил, оторвал язычок. Брызнуло в нос.

– Глотнешь? – спросил я Чибиса.

– Сначала ты...

Я проглотил тепловатую шипучку, тогда и Чибис приложился к банке.

Мимо сновали ребята, но на Чибиса и меня не обращали внимания. И только Натка Белкина остановилась и наклонила кудрявую, как у куклы, головку. Пропела:

– Чи-ибис! Я сразу хотела сказать. Какой ты сегодня симпатичный... Особенно эти пуговики... – и нахально так подергала желтую пуговицу у него на животе.

– Убери лапы, – ровным голосом сказал Чибис.

– Ну чего ты! Я же по правде... А хочешь поиграть в лошадки?

– Как это? – опрометчиво спросил Чибис.

– Разве не знаешь, как жеребчики кусаются?

Она изобразила скрюченными пальцами «зубастую пасть», хихикнула и цапнула Чибиса повыше колена. Чибис взвизгнул и вскинул колени до ушей.

– Дура!

– Ой, да ты боишься шупалок! Вот смешно! Как девочка...

– Наталья, глянь сюда! – быстро сказал я.

Зажал пальцем отверстие в банке, взболтнул жидкость. Наташка удивленно глянула, а я убрал палец, и ей в лицо ударила пенная струя.

– А-а-а! Идиоты!..

Она закрыла щеки и побежала прочь, мелькая белыми гольфиками и бантами на кудряшках. Наверняка жаловаться Маме Рите.

– Сама виновата, корова, – сказал я вслед Белкиной, вовсе не похожей на корову.

Чибис дышал виновато. Признался:

– Я правда щекотки боюсь больше боли... Если попаду в плен к врагам, из меня запросто вытянут все тайны...

– Не вытянут, – утешил я. – В этих случаях организм ставит нервную блокировку. Я читал... Глотни еще.

Мы допили спайт и увидели, что можно уже идти в кабинет. Но продолжали сидеть. Мне хотелось спросить: чего такого натворил Чибис, что тетка решила «укоротить его взрослость». Но, конечно, я не решался.

Чибис вертел в ладонях пустую банку.

– Можно я возьму ее?

– Возьми, пожалуйста... А зачем она тебе?

– Я собираю такие... И сдаю в одну кафешку. Хозяин платит пятьдесят копеек за штуку...

Я не знал, что сказать. Неужели у Чибиса такая обездоленная жизнь? Наконец выговорил:

– Это же гроши...

– Да... Но все же хоть какие-то карманные деньги. И кроме того, просто интересно. Вроде как рыбацкий азарт: какой будет улов... – Он повозился, быстро глянул сбоку и вдруг признался: – На этом я вчера и погорел...

– Как?

– Ходил по бульвару недалеко от цирка, там веранда со столиками. Те, кто пиво лакает, кидают банки в урны или оставляют на столах. А я незаметно подбираю... И вот с одного стола смёл сразу четыре посуды. Три пустые, а в одной остаток булькает. Пустые я – в сумку, а недопитую... думаю, надо вылить. А жарница такая же, как сегодня. Ну, меня будто под локоть толкнули: присосался и давай глотать. Гадость, конечно, зато холодная... Ну и... ничего же не случается безнаказанно. Глядь, мимо движется мадам Инесса Мефодьевна, знакомая моей тетушки. «Ах, Максим! Как ты можешь! Я все расскажу Агнессе Константиновне!»

– И рассказала?

– Как видишь... И началось: «Это ранняя склонность к алкоголизму!.. Чем это кончится!.. Ты прежде срока вообразил себя мужчиной, причем пьющим мужчиной!.. Это требует немедленного пресечения!..» И не поленилась ведь, и денег не пожалела: поехала в «Детский мир» за этим нарядом... «Отныне ходи вот так. Пробовать алкогольные напитки в таком виде тебе не захочется!»

– Ты не упирался?

– С ней бесполезно... Да и зачем? В общем-то так даже удобнее. Лишь бы не дразнились...

– Никто не дразнится. Некоторые даже завидуют.

– Ну да... Только Белкина эта...

– Она чокнутая... Ты знаешь что? Рубашку заправь поглубже, чтобы пуговиц не видно было, а сверху надень пояс. Тогда будет нормальный спортивный вид.

– Нету же пояса...

– Подожди... – Я полез в рюкзак. Там у меня лежал среди мелочей свернутый ремешок от старого футляра для мобильного. – Вот, прoderни в петли.

– Спасибо... – Он чуть улыбнулся, взялся за пуговицу, и вдруг: – Ой, а из чего этот ремешок? Натуральная кожа?

– Да что ты! Клеенка... А не все ли равно?

– Ну... – скомканно сказал он. – Не люблю я, когда вещи из настоящей кожи. Противно...

Я сразу понял:

– Да! У меня так же бывает! Начинаешь думать: когда-то это была шкура живого существа, а потом ее содрали...

– Вот именно! – Чибис живо блеснул сине-зелеными глазами, и я вдруг увидел, что они слегка разные: один более синий, другой более зеленый. Он стал суетливо продергивать ремешок в петли от пуговиц. Застегнул, прыгнул с подоконника. Одернул «прикид». – Во... Нормально, да?

– В самый раз, – похвалил я. И осторожно сказал: – Слушай... Макс... Кожа кожей, а как насчет мяса? Ты его совсем не ешь, да? – Я вспомнил слова про «тошнотворные сосиски» и с уколom совести подумал о своей любви к пельменям.

Чибис поморщился:

– Приходится есть... То и дело слышишь: «Мясо необходимо детям для нормального роста. Посмотри на себя, ты и так худой, как пенджабский нищий...»

– Со мной так же... А тебе это тетушка твоя твердит?

– Ну да!

– С ней, видать, не поспоришь...

– Это невозможно. Во-первых, у тети Аги абсолютное чувство логики, она всегда оказывается права... А кроме того, у нее большое сердце, старая уже... Как разволнуется, уходит к себе в комнату, и оттуда сразу – вонь всяких капель. Вот и думаешь: вдруг случится что-нибудь – всю жизнь будешь совестью маяться...

Я кивнул: понятно, мол. А Чибис вдруг добавил:

– И вообще... Всякий лишний скандал увеличивает дисбаланс в этом мире...

– Чего увеличивает?

– Дис-ба-ланс... Он расшатывает равновесие Вселенной... Я бестолково говорю, да?

– Вполне толково... Но... – Я и сам был не прочь поразмышлять о проблемах мирового масштаба, однако сейчас не согласился с Чибисом. – Только... ну какой там дисбаланс от спора с тетушкой на фоне всеобщего финансового кризиса? Или по сравнению с проблемами черных дыр?

Чибис глянул на меня с уважением, но возразил:

– На кризис есть антикризисные меры. Дыры возникают по законам космического развития. А вот какая-нибудь непредвиденная мелочь может вызвать колоссальное обрушение. Вроде как легкий камешек вызывает лавину. Или... ну помнишь бабочку на штанге?

– Какую бабочку?

– Мультик есть такой, про волка и зайца. Волк там штангу выжимает, тренируется, а над ним бабочка. Сядет на левый край штанги – волка тянет влево, сядет на правый – беднягу туда же...

– Да! А когда она села посередке – он вместе со штангой бряк на землю! – развеселился я.

И Чибис засмеялся. Я хотел сказать, что бабочка – это все-таки шутка режиссера, но забренчал звонок...

В этом кабинете нам разрешали садиться кто с кем хочет. И мы с Чибисом сели рядом.

Программа шестого класса по биологии в нынешнем году уже закончилась, и старенькая Анна Сергеевна занимала нас рассказами об ученых. Нынче она принялась читать занудный очерк о Пржевальском и его лошадях. А я тихонько сказал Чибису:

– По-моему, никакого равновесия во Вселенной нету. Сплошной кавардак. Чем дальше, тем больше. Будто каша в котле. Галактики разлетаются, черные дыры там и тут, а недавно еще какое-то серое пространство открыли... У меня есть книжка японского ученого Мичио

Накамуры «Новый взгляд на старый мир». Он там много пишет про все такое. И главное, что почти все понятно, без лишних мудростей... Максим, хочешь, дам почитать?

– Хочу, конечно... Клим, только знаешь что? Ты не говори мне «Максим». Говори, как раньше, «Чибис». Я привык, меня так с первого класса зовут. А свое имя я не люблю...

– Почему? Хорошее имя...

– Кому как... Мне вспоминается пулемет на Гражданской войне. В кино «Чапаев». Как из него по тысячам живых людей...

– Что поделаешь, если война... – осторожно проговорил я. – Там никуда не денешься: кто кого...

– Вот оттого и не люблю, – сказал Чибис в сторону.

Мне стало почему-то неловко, и я не придумал ничего другого, как сообщить о себе:

– Мое имя тоже связано с Гражданской войной. Немного...

– Как это? – шепнул Чибис.

– Был красный полководец, Клим Ворошилов. Не слышал про такого?

– Слышал, конечно...

– А у моего отца был дед, мой прадед то есть. Очень любил прежние времена. Держал дома древний патефон с ручкой для завода и старинные пластинки. И была у него любимая, называлась «Терская походная». Эта пластинка у нас до сих пор хранится, только патефон давно сломался. Но отец мне эту песню на электрическом проигрывателе крутил. Там есть такие слова:

Красный маршал Ворошилов, погляди
На казачьи богатырские полки.

Прадед все просил отца: «Родится у тебя сын, дай ему имя Клим, Климентий». Хотя вообще-то Ворошилов не Климентий, а Климент... Ефремович...

Чибис молчал с минуту и смотрел не на меня, а за окно. Потом сказал неохотно:

– Казачьи полки были всякие... В Отечественной войне многие из них воевали за немцев... Про это раньше молчали, а теперь уже не скрывают. Целые книжки написаны.

– Но не все же были изменники! Были и герои! Например, генерал Доватор. Про него тоже книжка есть...

– Я знаю... А те, кто против Красной армии, они ведь не считали себя изменниками. Потому что воевали не за Гитлера, а против советской власти. Эта власть им столько всего натворила...

Я знал и об этом. Смотрел однажды про казаков историческую передачу. Однако мне стало обидно за прадеда (которого я никогда не видел). И я хмуро сказал:

– Дед моего отца здесь ни при чем. И Ворошилов тоже...

Чибис глянул быстро и как-то съезженно:

– Клим, ты не обижайся. Это я... у меня дурацкая привычка – во всем копать и делать уточнения.

Я сразу отмяк.

– Не обижаюсь я, а... тоже уточняю... А вообще-то, когда про свое имя думаю, вспоминаю вовсе не Ворошилова, а другого Клина... Есть такая толстенная книга у Максима Горького...

– «Жизнь Клина Самгина»?

– Да... Ты что, читал?

– Нет, конечно. Просто сериал вспомнил, показывали недавно. Я смотрел там не все, а только про детские годы. Дальше неинтересно стало.

– Я тоже только про детские... И смотрел, и в книжке прочитал. А про остальное решил, что прочитаю, когда дорасту. Меня и в детских-то его годах зацарапало... не по-хорошему.

– А что... зацарапало? – неуверенно шепнул Чибис.

– Ну, помнишь, как он не сумел мальчишку из ледяной воды спасти? Испугался, выпустил ремень, за который тот схватился... А потом у него все толклось в голове: «А был ли мальчик? Может, его и не было?»

Чибис кивнул. Но тут же возразил:

– Ты здесь ни при чем...

– Ну да... Только все равно иногда скребет... будто это не с ним случилось, а со мной...

Зачем я в этом признался? Вроде ничего такого не было в Чибисе, чтобы откровенничать с ним... Впрочем, дальше откровенничать и не пришлось. Анна Сергеевна добродушно сказала:

– Ермилкин, шел бы ты, погулял. Все равно не слушаешь и соседу не даешь...

– А чего я?..

– Иди-иди... Не бойся, жаловаться Маргарите Дмитриевне я не стану. Просто тебе полезно проветриться...

Чибис вскочил:

– Анна Сергеевна, тогда и я! Мы одинаково виноваты!

– А ты сиди...

– Ладно, пока... – шепнул я Чибису, забрал рюкзачок и без всякого огорчения покинул кабинет.

Впереди у меня было полтора часа. Половина урока биологии, потом большая перемена да еще факультатив по истории православия. На него я не ходил.

Мама, папа, Лерка и я

В начале учебного года, когда объявили, что будут такие занятия, Мама Рита нам объяснила:

– «Факультативные» – это значит «добровольные», но ходить на них надо обязательно, чтобы узнать побольше про историю религии и духовную жизнь. К тому же нужна наполняемость группы. Надеюсь, ни у кого нет возражений?

Я быстренько подумал и поднял руку. Сказал, что у меня есть возражения.

– Это почему же, Ермилкин? Ты что, не уважаешь традиции своей страны?

Я сказал, что уважаю. Но еще уважаю Конституцию, а в ней есть статья про свободу совести.

– Я смотрю, ты стал слишком эрудированный, – заявила Мама Рита.

Я немного разозлился и сказал, что не «слишком», а в самый раз.

– В самый раз, чтобы я позвонила родителям... – И она повернулась к молодому священнику, который стоял рядом. – Отец Борис, это Клим Ермилкин, он у нас известный «правозащитник»...

Священник, похожий на артиста Харатьяна с приклеенной бородкой, смотрел на меня с интересом. А я разозлился сильнее. На Маргариту. Потому что никаким «правозащитником» я не был, наоборот, не любил влезать в споры. Только в прошлом году, один раз, вступился на уроке за безответную Лёльку Ермакову, когда на нее начала орать англичанка Венера Аркадьевна. Из-за какой-то несчастной забытой дома тетрадки! Лёлька расплакалась, ну я и сказал: «Чего вы на нее как фельдфебель на плацу...» Что бы-ло! «Я потребую от родителей принятия самых решительных мер!» Ну, они и приняли. Мама сказала мне, что следует аккуратнее выбирать выражения, а папа (литератор же!) заметил, что нелогично сравнивать особу женского пола с фельдфебелем, который, как известно, мужчина... «Ты должен извиниться».

Ну, должен так должен. Трудно, что ли? На следующем уроке я сказал:

«Венера Аркадьевна, простите, я был не прав. Нельзя сравнивать женщину с мужчиной-фельдфебелем...»

«Убейся! Я отказываюсь с тобой заниматься!»

Меня перевели в другую группу, к Елене Михайловне, которая ни на кого не орала, потому что работала первый год. И Лёльку, кстати, тоже перевели. С той поры мы с ней сидели рядом почти на всех уроках. Но никакой особой симпатии между нами не было, напрасно Натка Белкина хихикала и поглядывала с намеком...

Отец Борис подождал, когда Мама Рита умолкнет, а мне сказал:

– Однако же... Клим Ермилкин... разве ты атеист? Вот я вижу цепочку под галстуком, похоже, что с крестиком... Или я ошибся?

– Это крестик. Но откуда вы знаете, что я православный? Может быть, католик или лютеранин...

– Мм... ну и что? Знания все равно не помешают. У всех христиан одно Евангелие и одни заповеди...

Я ответил, что Новый Завет читал еще в девять лет, а Нагорную проповедь знаю почти наизусть (малость прихвастнул). И что вера должна быть добровольной, а не превращаться в школьную зубрежку.

– Маргарита Дмитриевна, в суждениях Клим есть кроме отроческой ершистости некое рациональное зерно, – кротким голосом сообщил отец Борис. – Принуждение в самом деле не даст пользы... И может быть, Клим через какое-то время, после размышлений, изменит решение...

Я не изменил решения. Даже после звонка Мамы Риты родителям. Только перед сном несколько раз виновато перекрестился на картонный образок, что был приклеен повыше отрывного календаря, – маленькую копию рублевской Троицы. Надо было попросить у Бога прощения за дерзость, чтобы не случилось неприятностей.

Я – верующий? Да. Потому что полностью верю: Бог есть. Без Него некому было бы сотворить Вселенную. Само по себе на свете не возникает ничто. Но я, конечно, бестолковый верующий: не знаю толком ни обычаев, ни правил. И многого не понимаю. Например, почему люди отдали Сына Божьего на распятие? Когда я читаю про это, внутри все сжимается. Я ненавижу Пилата, хотя писатель Булгаков пытался осторожно оправдать его в своей книге... Я бы поговорил про все это с отцом Борисом, только не на уроке. Это не для школы. Там, чего доброго, еще и отметки начнут ставить...

Кроме меня на факультатив не стали ходить Рафик Мамедов и Марик Шульд. Но они – понятно почему. А еще – Бабаклара. Он объяснил, что пока не определился в духовном выборе, но склоняется в пользу буддизма. Конечно, Мама Рита пообещала позвонить Бабаклариному папе, чтобы тот подкорректировал «склонение» сына в нужную сторону. Но папа, видимо, не сумел...

Итак, у меня была куча времени. А дом – в трех шагах.

Я и раньше жил от нашей школы недалеко, на улице Крупской, в трехэтажке довоенного времени. Мы вчетвером обитали в двухкомнатной квартирке. А прошлой весной наконец набралась нужная сумма на трехкомнатное жилье в новом доме. Аж не верилось в такое счастье!.. Школа теперь сделалась еще ближе, а главное – теперь у меня была своя комната (хотя и самая маленькая из всех).

Я в этой комнате все устроил, как мечталось. Над тахтой приколотил карту полушарий – большущую, напечатанную «под старину», с пузатыми парусниками и морскими чудовищами. Над столом повесил фотопортрет Высоцкого с гитарой, на полках расставил книжки Стругацких и Астрид Линдгрен, диски и старую «Библиотеку приключений» (еще из отцовского детства). Упросил маму-папу купить большущий глобус на высокой подставке (стоил он, кстати, не меньше, чем письменный стол). Сделалось в комнате как в старинном кабинете или в штурманской каюте. Особенно когда я терпеливо клеил пластмассовую модель «Катти Сарк». Настоящую-то «Катти» я никогда не увижу: недавно сгорела в Гринвиче, и едва ли ее восстановят как надо – так пускай будет хотя бы вот эта, здесь...

Из широкого окна была видна крыша Исторического факультета – недавняя постройка, но, как и моя карта, «под старину», с башенками и флюгерами. Над крышей белела колокольня ближней церкви. По ночам ее подсвечивали прожекторы, красиво так! Не то что прежний вид на Крупской с гаражами и кирпичным забором...

Слава богу, лифт сегодня работал (что случалось не всегда). Хоть немного отдышусь, а то взмок на улице, будто грузчик на тропической пристани. Я въехал на пятый этаж, «персональным» ключом открыл дверь и через прихожую ввалился в свою комнату. Бряк на тахту...

Мама была дома. Она работала корректором в частном издательстве «Пирог» и чтением авторских рукописей занималась не в офисе, а «под родным кровом». И Лерка была уже дома. На уроки в свой первый класс она уходила вместе со мной, а возвращалась одна. И на продленку не оставалась, самостоятельная, ёлки-палки! Мама столько нервов из-за этого измотала... Теперь Лерка хныкала на кухне, что не хочет есть вермишель, потому что та «как червяки», а мама спрашивала силы небесные, за что ей такое испытание в жизни...

Я полежал полминуты, скинул пиджак и брюки и засунул себя в шкаф с тряпичным имуществом. И услышал, что мама встала на пороге.

– Ты что там ищешь? И почему явился так рано?

– Выгнали, наверно, – подала голос моя сестрица.

– Сама ты «выгнали»!.. Я не насовсем, а на перерыв... Мама, а где мои шмотки, в которых я в том году вернулся из лагеря?

– Ваши «шмотки», молодой человек, я еще осенью выстирала, погладила и положила в общий шкаф... А что, вас наконец освободили от обязательных фрачных пар?

Я выбрался из шкафа и поддернул трусы.

– Ну... не совсем освободили, но сделали послабление...

– Может быть, наденешь парусиновые брюки и белую водолазку?

– Не, мам... хочу тот испытанный в походах прикид. В нем лучше ощущается лето. И к тому же – ради солидарности...

– Опять эти словечки! «Прикид»!.. А что за солидарность? – спохватилась мама.

– Да есть у нас Чибис. Максимка Чибисов. Его тетушка гнобит...

– Клим, опять жаргон?

– Ну правда гнобит. Додумалась... – И я коротко рассказал о невзгодах Чибиса.

– По-моему, у его тети очень правильные взгляды, – сказала мама.

– Конечно! Он и сам так считает. Но только неуютно ему одному в таком прик... костюме. А тут будет моральная поддержка.

– Поддержки не будет. У тети Чибисова есть договоренность со школьным начальством. А тебя Маргарита Дмитриевна тут же выставит с треском.

– Ну не сразу же выставит! А ты потом тоже договорись с ней. Скажи, что я выдул целую бутылку пива!

– Болтун!.. Ты знаешь, что я никогда не вру...

– А ты и не ври! Я по правде могу! У папы есть в холодильнике!

Мама подбоченилась и глянула на меня с высоты своего роста. Большая такая, с круглыми руками, с уложенными в тяжелую прическу бронзовыми волосами. И с глазами, в которых усмешливые искорки (ну самая «мамистая мама», как я иногда говорил ей). Ногтем почесала подбородок.

– Смотрю на тебя и удивляюсь: почему ни разу в жизни я не дала тебе даже подзатыльника?

– Потому что я образцовый!.. А как это – ни разу не дала?! Два раза! Один раз еще в детском саду, когда я пришел с горок в обледенелых штанах. А второй – в позапрошлом году! Когда я сказал Лерке, что она клизма навыворот...

– Значит, оба раза не без причины... Только не понимаю до сих пор: что значит «клизма навыворот»?

– А ты выверни Лерку на левую сторону – сразу поймешь... Что, пошла выворачивать?

– В самом деле, болтун. За твоим «прикидом» пошла...

Я подпрыгнул и поболтался на турниковой перекладине, вделанной в дверной проем.

– Сгинь с дороги! – велела мама, возвращаясь. – Вот, облачайся...

Я прыгнул двумя ногами в короткие штаны из серо-зеленой легонькой плащовки. Выдернул из брюк ремешок с чеканной пряжкой, протянул в петли на шортах. Схватил рубашку, потряхнул, прежде чем сунуться в нее головой. Что-то щекотнуло меня по ноге. А мама быстро нагнулась.

– Подожди-ка... – Она держала двумя пальцами пятисотрублевую бумажку. – Клим, это что?

– Естественно, деньги...

– Сама вижу. И они выпали из кармана твоей рубашки.

– Правда?

– Не валяй дурака! Это та ассигнация, которую я потеряла осенью. С ног сбилась и не нашла. Последние деньги тогда были, за день до зарплаты... Клим...

Я помигал, обдумывая ситуацию (словечко-то какое – «ситуация»!). Впрочем, без особой растерянности.

– Ну да. Типичный случай из жизни трудного подростка. Шестиклассник Клим Ермилкин стырил у родителей полтыщи, но не успел истратить на пиво и наркотики и хитро запрятал подальше...

– Я вот тебе сейчас «стырю»!.. Ты можешь что-то объяснить?

– Сей момент... – И я гаркнул на всю квартиру: – А ну иди сюда, Холерия!

Так я называл сестрицу Валерию в минуты справедливого гнева.

Она тут же возникла на пороге (с вермишелью на щеках).

– Ма-а! Чего он опять обзывается!..

– Цыц! – велел я и взял у мамы пятисотку. – Это что? Говори!

– Ма-а, ну чего он... – И заморгала, будто кукла.

– Признавайся лучше сразу, – посоветовал я. – Осенью ты увидела эти деньги на полу и засунула в мой карман. Думала, мама найдет и мне попадет... Так?!

Малолетняя Валерия была вредна и подловата, но изворачиваться как следует еще не умела.

– Лера, зачем ты это сделала? – тихо спросила мама.

– Я не делала... Я только... А потому что он тогда... меня... Я хотела посадить моих киндеров на его корабль, а он меня вы-ыгнал... Ы-ы-ы...

– Вот это и есть клизма навыворот, – объяснил я маме.

Мама сухо сказала:

– Выдерни, пожалуйста, обратно свой ремешок. Сейчас он пригодится...

– Он туго сидит. Лучше я поищу в шкафу папин, туристский. Он толще и крепче.

– Правильно. Поищи...

Лерка знала, что ее не тронут, но завывала в два раза громче...

– Искать? – спросил я.

– Подожди... Валерия, марш на кухню и сядь за холодильник, носом в угол. Будешь сидеть, пока не придет папа. Он с тобой разберется как надо...

– Ы-ы-ы... – Лерка понимала, что папа вернется вечером, а у мамы слушать это «ы-ы-ы» хватит терпения на полчаса, не больше.

Когда она, подвивая, удалилась, мама взяла себя за щеки.

– Ну что ты будешь делать с такой особой...

– Терпеть, – объяснил я. – Пока не женится... то есть не выйдет замуж... Но и на этом ничего не кончится.

– Почему не кончится? – Мама опустила руки.

– Потому что... вскоре она явится с розовым сверточком на руках. «Мама-папа, это ваша внучка Светочка. Мы будем жить у вас. А он оказался таким негодяем!..»

– Тьфу на тебя! Надеюсь, что до того момента я не доживу.

– Как это не доживешь?! А кто будет нянчить моих детей?

– Здрасте! А куда денется твоя жена, мать этих самых детей?

Я поскреб затылок. Потому что неясно еще, как оно повернется в жизни. Вдруг как с матерью Лерки?

Лерка была не полностью моя сестра, а, как это говорят, «сводная». Отец один, а матери разные. Потому что, когда мне было три года, в нашей семье произошла «обычная для наших дней драма» (это по маминым словам). Впрочем, вспоминать драму у нас было не принято.

Случилось вот что. Отец тогда работал на областной телестудии «Наши горизонты», в сценарном отделе, а в редакции «Актуальная тема», по соседству, появилась сотрудница Ева

Сатурнадзе. Про нее говорили – «гламурная особа второй пробы», но папа почему-то втюрился в особу стремительно и по уши...

У папы совсем не героическая внешность – он щуплый и даже слегка косоплечий. С быстрыми глазами и торопливыми движениями. Когда говорит, чертит в воздухе ребром правой ладони и часто мигает. Но характер у него прямой. И папа не стал скрывать от мамы новую любовь. Так, мол, и так, вот я весь перед тобой, можешь меня клеймить и осуждать, но все равно ничего тут не поделать.

Не знаю, что тогда чувствовала мама, плакала ли по ночам. Я же совсем кроха был, ничего не понимал. Насколько помню, скандалов не было. Папа собрал чемоданчик, и мне было сказано, что он уехал в командировку. А на самом деле – в новый микрорайон Андреевский, где они с Евой сняли комнату. Мама – как всегда, спокойная и деловитая – отводила меня в детский сад, хлопотала по дому, читала мне по вечерам про Буратино и Карлсона, иногда уходила на ночные дежурства в издательство, а меня оставляла у соседей. Вот соседская-то девочка Галка (на год старше меня) и сообщила мне, что «у твоего папы другая жена».

– А кто же тогда мама? – обалдело спросил я.

– Она теперь никто.

Это было настолько нелепо, что я ничуть не поверил и даже не стал расспрашивать маму. Тем более что иногда папа «возвращался из командировки», гулял со мной в Загородном саду и на Большом бульваре с каруселями и, случалось, водил в цирк. Но потом исчезал опять – «работа у меня такая»...

«Сезон командировок» длился чуть ли не два года, я привык и думал, что так будет всегда. Но однажды папа вернулся. Вернее, мама его вернула. Потому что «гламурная Ева» стремительно покинула студию и город, укатила в неизвестном направлении (потом оказалось – в Швецию, на веки вечные) и оставила в арендованной комнате папу с годовалой дочкой. Услышав про такие дела, мама размышляла недолго. Поехала в Андреевский микрорайон, отыскивала папино жилье (и его самого в этом жилье), уложила папино имущество в чемодан, а ревучую Валерию усадила в коляску. И велела отцу:

– Ступай за мной.

И привела его обратно в наш дом.

Опять же я не знаю, какие там были у родителей объяснения. При мне – совсем никаких. Просто «папа наконец-то прекратил свои служебные поездки и больше не будет исчезать надолго». А еще «он купил на Севере себе и мне дочку, а тебе сестренку».

Я в ту пору ходил (правда, недолгое время) в детский сад и там поднабрался знаний, каким образом появляются на свет сестренки и братишки. Потребовал у мамы правдивых объяснений. Она растолковала, что «появляются они по-разному». Иногда и правда в местных родильных домах, а иногда в специальных медицинских институтах, где их выращивают по заявкам родителей. Там родители их и покупают... Я в свою очередь разъяснил это соседской Галке, которая пыталась втолковать мне, «как было на самом деле». Мы крупно поспорили, спор услышала Галкина мамаша и выдрала ее веником. А вскоре соседи переехали, и стало некому смущать мой внутренний покой...

Разумеется, со временем я узнал правду. Но Лерка ее не знала. Мама оставалась для нее настоящей мамой, никак иначе и быть не могло. Характер у сестрицы оказался не сахар. Случалось, что я чуть не ревел от ее вредности. И говорил ей слова, среди которых «клизма навыворот» не самые крутые. Но ни разу в жизни мне в голову не пришло сказать этой стервозной особе, что она «сестра мне лишь наполовину, а маме – и вовсе никакая не дочь». Тема эта была «зарытая в самую-самую глубину». Тем более что настоящая Леркина мамаша, Ева Сатурнадзе, видимо, напрочь забыла и о дочери, и о России.

Конечно, я не все время ссорился с Валерией, бывало, что мы существовали мирно (иногда несколько дней подряд). Я провожал ее в школу, помогал готовить уроки, по вечерам читал ей свои старые книжки про Братьев Львиное Сердце и приключения в Изумрудном городе...

Родители жили по-прежнему, как и до папиных «командировок». Иногда спорили и даже ссорились, но не сильно, потому что у мамы была способность на все смотреть со снисходительной усмешкой. Иногда мне казалось, что она видит в папе не столько мужа, сколько большого сына, моего старшего брата. По правде говоря, я и сам на него порой смотрел так же.

Папа писал короткие сценарии для местных телепередач и более длинные – для всяких постановок. Один раз его имя оказалось даже среди авторов сериала, который смотрела вся страна. Маму на работе поздравляли сотрудницы. Но она говорила, что эта картина – чудовищная дребедень, «„Санта-Барбара“ на подмосковный лад». Папа соглашался. Однако объяснял, что порой приходится «наступать себе на горло, чтобы вырваться из финансовой блокады. Особенно в нынешних условиях глобального кризиса».

О кризисе говорили везде и всюду, поэтому мама не очень критиковала отца. Тем более что мы действительно «вырвались» и сумели выкупить квартиру. «И даже кое-что осталось для дальнейших планов», – напоминал иногда папа. Он собирался купить у своего приятеля-сослуживца Садовского подержанную «мазду». Тогда мы сможем всем семейством путешествовать где хотим. Как в давние времена, когда у нас была старенькая «Лада», развалившаяся потом «буквально посреди дороги».

Мама к идее с «маздой» относилась осторожно. Опасалась, что папа на этой иномарке врежется в первый же столб.

– При твоей-то безалаберности... Тем более что там правый руль.

– Вот именно – правый! – восклицал папа. – Наше дело правое, победа будет за нами!

Мама качала головой. Ее успокаивало лишь то, что в условиях кризиса деньги дешевели быстрее, чем накапливались, и пока «мазда» оставалась мечтой. Правда, папа рассчитывал на свой сценарий телеспектакля «Тени как шпалы» (о молодых журналистах). Этот сценарий обещал продвинуть в производство папин московский знакомый, старый писатель Всеволод Глушченко. Он был наш земляк, а потом перебрался в столицу. У Глушченко отец когда-то учился на журфаке и считался «перспективным автором».

Новый сценарий маме нравился больше, чем старый сериал. Но она говорила:

– Именно поэтому его и провалят. Сейчас продюсерам нужна только всякая любовно-детективная мура.

Я сценарий тоже читал, но, как говорится, «не составил конкретного мнения». Местами казалось интересно, а чаще – так себе. И папе я высказывал это откровенно (хотя и осторожно – чтобы не гасить его вдохновение).

Я заправил рубашку под ремешок и покрутился перед мамой, как перед зеркалом.

– Нормально?

– Совершенно ненормально... – вздохнула мама. – Одни ноги да уши...

– А еще умные, выразительные глаза, – напомнил я.

– Глаза голодного Маугли... Почему ты не обедаешь в школе?

– Достаточно, что там травится вчерашними омлетами Лерка.

– Не сочиняй! «Вчерашними»! У вас в школе постоянные санитарные проверки...

– А зачем обедать в двенадцать часов, если в два или три приходишь домой и здесь на плите заботливо приготовленная мамина еда?

– Подлиза... Но сейчас-то ты можешь пообедать, раз уж пришел?

– Сейчас очень даже могу! Потому что после шестого урока у нас еще экскурсия на кукольную выставку... Это Мама Рита придумала для выполнения планов внеклассной работы. Хватило ума...

– Не ворчи. Все говорят, очень интересная выставка. Я в детстве обожала кукольный театр.

– В детстве я тоже обожал...

Мама опять скользнула по мне глазами.

– Судя по твоему «прикиду»... и по твоим разговорам, детство у тебя еще не закончилось.

– Ну и ладно. Я и не хочу, чтобы закончилось...

Я начал перекладывать из школьно-костюмных карманов в «летние» всякую мелочь: проездной билет (в общем-то почти ненужный), карандашик-брелок, плоский старенький (но надежный!) мобильник... Потом глянул на злополучную пятисотрублевую бумажку, она лежала на тахте рядом с брошенными брюками.

– Мама... а эта «деньга»... она ведь случайная, верно?

– Ты на что намекаешь?

– Ну, она будто неожиданный клад... А те, кто находит клад, они же делятся друг с другом, да?

– Любопытное суждение. Но нашла-то клад именно я!

– Но в моем кармане!

– И... на какую долю претендует юный авантюрист?

– На... пополам.

– Нахал.

– Но это же справедливо!

– Ладно, – усмехнулась мама. Вышла и почти сразу вернулась с кошельком. – Вот тебе «справедливость». – Она выложила на стол две сотенные бумажки, потом четыре десятирублевки и наконец две блестящие пятирублевые монетки. – Как в бухгалтерии... Однако скажи, зачем тебе деньги?

– Здравствуй! Разве уже закрыли магазин «Книжный мир»?

– Знаю я этот «книжный». Небось отыщешь там какие-нибудь новые «стреляльные» диски.

– Мам, да когда я их искал! Это пройденный этап! От них зубы ноют... Лучше уж кино «Заоблачный остров»... А может, Лерке куплю яйцо с киндером... Ох, да отпусти уж ты ее, а то гудит, гудит...

– Пусть еще погудит, полезно... А тебя сейчас буду кормить.

– Корми, я все съем. Даже вермишель, похожую на червяков...

– Весь в папу-сочинителя... – Мама смотрела на меня и почему-то не уходила.

– Ой, чуть не забыл!.. – Я сгреб со стола деньги, открыл в шкафу ящик и вытащил из мешанины платков и носков прошлогодний треугольный галстук – косынку, сшитую из черной и синей половинок. Продернул под воротник, завязал. – Вот... Классно, да?

– Теперь тебя точно выгонят с уроков.

– Ну мы же договорились! Я глотну пива, а ты...

– Сейчас кому-то отвесят третий в жизни подзатыльник.

– Ну отвешивай... – вздохнул я. – Все равно я буду тебя крепко любить. Всю жизнь...

Мама вдруг подошла сзади, взяла меня за уши, покачала туда-сюда мою голову.

– Всю жизнь... Скоро вырастешь, уедешь в какие-нибудь дальние края и найдешь, кого любить крепче мамы...

– Крепче никогда не буду. Пусть хоть кто найдется... – шепотом пообещал я. Кажется, чересчур серьезно. Вдруг даже в горле щекотнуло...

Мама отпустила мои уши.

– Повяжись полотенцем, а то закапаешь соусом свой наряд...

Флейтист

На улице я сразу окунулся в горячий день. В солнце, в запахах нагретого асфальта, бензина и клейких тополиных листиков. И понял, что ни капельки не стесняюсь своего легонького наряда. Похоже, что встречные поглядывали на меня с одобрением: вот, мол, какая летняя птаха. Я видел в магазинных стеклах, что «птаха» похожа на цаплю. Ну и пусть! Не на гусака ведь и не на пингвина!

Рюкзачок был почти пуст – лишь с тетрадкой и учебником географии, почти невесомый. Хотелось прыгать.

Лето было как подарок.

Дежурные на школьном крыльце одинаково вытянули шеи:

– Эй, ты куда такой?!

– Сократитесь, – нагло сказал я. – Нам разрешили...

Увернулся от протянутых лап и нырнул в знакомые запахи вестибюля: столовая, гардероб с пыльной «уличной» обувью, хлорка от швабры тети Кати... А потом – скачками по лестнице...

Народ встретил меня со сдержанным одобрением:

– Во, еще одна тощая незагорелость...

– Мама Рита выпадет в осадок...

– Молоток...

– Всё, кранты. Завтра я тоже...

Мы ждали начала урока у кабинета географии, в коридоре. Чибис подошел, глянул улыбочиво. Спросил тихо, но прямо:

– Ты из-за меня так решил?

– В основном из-за лета, – уклончиво сказал я.

Чибис улыбнулся шире:

– А я думал... ты тоже пиво пил...

– Я хотел. Но чуть не заработал подзатыльник.

Чибис вдруг изогнулся, что-то вытащил из раздутого кармана перекошенных шортиков. Оказалось – красное яблоко.

– Вот... Это Белкина вдруг подошла и говорит: «Ты на меня не злишься. На...»

Я сделал умное лицо.

– Наверно, решила не усиливать этот... мировой дисбаланс.

– Ага. Наверно...

Чибис поставил ногу на батарею и сильно ударил яблоком о торчащее колено (я даже ойкнул). Яблоко развалилось на аккуратные половинки.

– Держи...

– Спасибо...

И мы пошли досиживать последний урок.

Мама Рита ничего не сказала про мой костюм. Наверно, потому, что увидела меня уже не на уроке, а во «внеклассное время», перед экскурсией.

А Натка Белкина подошла и осторожно тронула галстук.

– Ой, Клим, это что? Есть такой отряд, да?

Я помнил про яблоко и ответил миролюбиво:

– Был. Память о прошлом лете...

– А-а-а... – ничего не поняла она.

И никто не понимал, но и не спрашивали, даже Чибис. Он спросил на улице о другом, но это другое тоже имело отношение к прошлому лету:

- Японская книжка, о которой ты говорил... она у тебя с собой?
- Ох, балда я! Забыл!.. Завтра принесу.

Выставка «Царство кукол» располагалась на центральной улице, в небольшом музее «Торговый дом купцов Лактионовых». Я и раньше бывал в этом доме, там довольно интересно: модели речных пароходов, граммофоны, старинная печатная машина из типографии газеты «Туренскія вѣсти», проектор из кинотеатра столетней давности, географические карты девятнадцатого века. Одна комната – как настоящая купеческая лавка, даже продаются сувениры...

Куклы отношения к Лактионовым, конечно, не имели, но музею надо было как-то подрабатывать в кризисные времена, вот он и сдавал помещение для выставок всяким организациям. На этот раз – кукольному театру.

Надо сказать, я не пожалел, что пошел. Куклы там такие, что глаза разбегались. Не только те, что «играли» в нынешнем театре, но и всякие другие: из прошлого времени, из частных коллекций. И это была не просто выставка, а небольшое представление, специально для нас. Два молодых актера – девушка и парень в черных комбинезонах – объясняли, как движутся разные куклы: на нитках, на тростях, «перчаточные» (те, что надеваются на руку). Удивительно! Вот лежит на стуле простенькая игрушка из палочек и лоскутков, раскинула ручки-ножки, совсем неподвижная, нелепая такая. И вдруг... делается как живая! Будто просыпается в ней душа...

Как не вспомнить другой кукольный театр – бумажные фигурки в песочнице и деловитую девочку Рину...

И я вспоминал – почему-то с легкой тревогой. А Чибис беспокойно дышал, стоя вплотную ко мне. И кажется, тоже волновался. Иногда прижимал к нагрудному карману левую ладонь, будто у него покалывало сердце. Потом запустил в карман пальцы и вытащил... крохотную рогатку. Из медной проволоки.

Вернее, это была не рогатка, а только «рогатулька» – то есть развилка с ручкой, но без резинки. Совсем небольшая, можно спрятать в спичечный коробок. Ручку обматывал синий проводок, а на рожах торчали отогнутые в стороны усики.

Чибис взял рогатульку так, что усики уперлись в подушечки большого и указательного пальца. А синяя ручка закачалась, как маятник. Чибис как-то непонятно взглянул на меня.

- Что это? – шепнул я.
- Ну, вроде как рамка или индикатор...

Я сразу понял. Видел не раз похожие штучки в телепередачах и читал про них в журналах. С помощью таких рамок умелые люди искали клады, источники, рудные залежи. Называется этот способ, кажется, «лозоискательство» или «лозоходство». Потому что рамки делались не только из проволоки, но бывало, что из тонких ивовых прутьев (даже чаще, чем из проволоки). И были они покрупнее, чем у Чибиса. Но и эта работала! Синяя ручка вдруг дернулась и замерла горизонтально. Словно показала на что-то ей одной понятное. На что именно?

На полу, посреди очерченного мелом круга (чтобы мы не совались своими кроссовками слишком близко), танцевали под магнитофон тощий кудлатый Волк и румяная Красная Шапочка. Все неотрывно глядели на них, смеялись, на меня и Чибиса не обращали внимания. А рогатулька вдруг дернулась, рукоятка описала полный круг и замерла опять.

- Что-то ищешь, да? – шепнул я.
- Чибис шевельнул плечом:
- Ничего... Это она сама... вдруг задергалась в кармане.
- Почему?
- Не знаю... На, попробуй...

Я, так же как Чибис, взял рогатульку в два пальца. Но у меня она повисла неподвижно. Совершенно неживая...

– Чибис, по-моему, дело не в ней, а в тебе... Наверно, она как твой нерв...

– Да нет же, – досадливо бормотнул он. – Я ничего не хотел... Ты подожди...

Я стал послушно ждать. Рогатулька висела легкая и неподвижная, как дохлая стрекоза.

Волк и Шапочка закончили танец, и появился другой актер. Щупленький мальчик ростом в полметра. С длинными локонами и круглыми стеклянными глазами, в матросском костюмчике, какие носили лет сто назад. С черной флейтой в ломких пальцах. Девушка тоже взяла флейту и заиграла. Но получилось, будто играет этот кукольный мальчик... Да нет, не кукольный – настоящий! Потому что парень в комбинезоне начал шевелить хитрую конструкцию из реек, трогать разные нити, и по маленькому флейтисту прошла такая... жизненная дрожь. Он поднял голову, вскинул ресницы, и под ними оказались уже не стеклянные пуговицы, а проснувшиеся синие глаза. У мальчика жил теперь каждый сустав, каждый локон, каждый ресничный волос. Не знаю, как уж это делал артист, но длинные пальцы над флейтой то сжимались, то распрямлялись, перебегали по кнопкам...

Я сразу вспомнил другого мальчишку-флейтиста. Не совсем такого, но похожего. Тоже с локонами, тонкой шеей и ломкими пальцами. И понял, что и мелодия – та самая. Простенький вальс, под который в прошлый раз у меня сами собой сразу придумались слова:

Ранней весной просыпается дом,
Тихо сосульки звенят за окном.
Солнечный свет –
Маме букет...

Потому что было это в прошлогоднем марте, восьмого числа...

Да, я, наверно, «чересчур чувствительное дитя»: вдруг слегка зачесались глаза. Даже перед собой неловко...

Я ничуть не удивился, что проволочная рогатулька шевельнулась в пальцах. Потом она сделала оборот, и синяя ручка, будто компасная стрелка, замерла горизонтально. Только чуть дрожала...

– Ну вот... – шепнул Чибис с каким-то сердитым удовольствием.

Мелодия кончилась. Флейтист поклонился и сразу обмяк, обвис на нитках, уронив голову. И рогатулька в моих пальцах тоже «обмякла»: синяя ручка слабо повернулась вниз.

Ребята хлопали и шумели, Мама Рита что-то говорила артистам. Я протянул рогатульку Чибису:

– Возьми... – И добавил с дурашливой ноткой: – Честно говоря, я боюсь всякой мистики.

– Честно говоря, и я боюсь, – отозвался Чибис.

От музея все сразу разбредись кто куда.

– Осторожнее на переходах, – напомнила нам в спины Мама Рита.

Мы с Чибисом пошли вместе: до улицы Тургенева нам было по дороге. Чибис поглаживал карман с рогатулькой. Та, видимо, вела себя спокойно.

– Ты сам сделал эту штуку? – спросил я.

– Конечно... Даже не знаю, почему пришло в голову. Сидел, вертел в руках кусочек проволоки, и... подумалось: вдруг она поможет что-то найти... Иногда и правда оживает. Особенно рядом с необычными домами. Или внутри таких домов... Ну, ты сам сегодня видел...

Я поколебался: не слишком ли нахально суюсь не в свое дело? И все же спросил:

– А что ищешь?..

– Что... если бы я знал... – проговорил Чибис, глядя под ноги. И вдруг поднял голову. – Ты читал братьев Стругацких?

Я не стал обижаться. Просто сказал:

– Вот вопрос.

– У них много всего. Но, может, помнишь, в одной повести есть выражение: «Люди, которые желают странного»?

Я помнил. Но было неясно: чего желает Чибис? А он хмыкнул:

– Тетушка Агнесса Константиновна иногда меня так и зовет: «Отрок, желающий странного».

– Она тоже читала Стругацких?!

– Она от них без ума. Даже переписывалась с Аркадием... Аркадием Натановичем. Когда тот был жив... Он ей книжку прислал с подписью...

Образ Чибисовой тетушки изменился в моем понятии. В хорошую сторону. Но остался вопрос.

– Чибис, я все же не понимаю. Какого «странного» ты желаешь? Чего ищешь-то?

Он опять повесил голову:

– Я же говорю: не знаю... Может, что-то вроде бабочки...

– Какой?

– Ну, помнишь, говорили про бабочку на штанге?.. Найти бы способ... чтобы с помощью такой вот легонькой, но доброй мелочи обрушивать железное зло.

После выступления кукольного флейтиста у меня внутри все еще жило особое ощущение – смесь печальной ласковости и беспокойства. И сейчас беспокойство увеличилось.

– А если это железо... прямо на тебя?

Он тряхнул головой:

– Ну почему? С какой стати? Клим, я что-то разговорчивый стал сегодня... Раньше я про такое ни с кем... Ты никому не говори, ладно?

– Чибис, да ты что! Честное слово...

Он вдруг перескочил через поребрик, ухватил из травы на обочине мятую пивную банку, с удовольствием затолкал в рюкзачок. Заулыбался. Но тут же стал прежним – насупленным и озабоченным.

– Иногда снится... маленькая разноцветная пташка, вроде колибри... Я их наяву-то никогда и не видел, а тут порхает перед носом, переливается красками. А вокруг поле с орудиями, и среди них такая... громадная гаубица, ростом с мамонта... Птичка вдруг подлетает к гаубице, садится на конец ствола, и ствол этот сразу – дулом в землю... И у других орудий. И начинает ползти по ним ржавчина, и обрастают они длинными вьюнками. Я даже знаю название этой травы – повилика...

Я будто по правде увидел уткнувшиеся в землю гаубицы. И вспомнил, кто был отец Чибиса. И понял, что лучше помолчать.

Но молчали мы недолго. Чибис выудил из мусорной урны еще одну банку, подбросил ее, поймал, сунул в рюкзак. И вдруг сообщил:

– Иногда маленькая радость может обезвредить большое зло. Ну... так мне кажется. Вот, например, нашел я эту полезную для меня банку, а где-нибудь в далеком скоплении М-91 сразу четыреста девять или даже четыреста семнадцать галактик затормозят свой опасный разбег. Они разогнались «сверх всякой допустимой меры», как говорит Мама Рита. Не про галактики, правда...

– Но ведь галактикам и полагается разбегаться. Все так говорят...

– По-моему, полагается разбегаться скоплениям галактик. А внутри скоплений они должны держаться вместе, как детсадовцы на прогулке... Хотя кто их знает? Слетать бы да поглядеть...

Кажется, он просто дурачился, но я заспорил всерьез:

– Ничего не получится. Ведь сигнал о твоей находке дойдет до этих галактик только через миллионы лет. Потому что ничего не бывает быстрее скорости света. Сколько ждать...

– А может, бывает быстрее! За счет самого времени! То есть за счет его энергии. Она ведь еще совсем не изучена... Были опыты, которые доказывают, что сигналы доходят вообще мгновенно. Хоть через какие космические дали!

– Что-то не слыхал про такое...

– А разве в книжке Накамуры про это не написано?

– По-моему, нет... Там больше про параллельные миры, а они вроде бы совсем рядом, только руку протяни...

– Но ведь, может быть, дальние космические пространства и параллельные миры это одно и то же! Дальние превращаются в параллельные и сразу становятся близкими...

У меня «шарики стали буксовать в извилинах». Но тут наш спор оборвала машина-поливалка. Шофер провел ее рядом с тротуаром и обдал наши ноги хлесткими брызгами. Конечно же нарочно! Чибис взвизгнул и подскочил. Ну да, он же отчаянно боится щекотки. Я погрозил вслед поливалке кулаком. Та нахально вильнула задом цистерны.

Чибис смеялся и махал в воздухе то одной, то другой ногой. Я тоже помахал. Влажную кожу так замечательно обдувало ветерком!

– Как ты думаешь, это было доброе или вредное дело? То, что нас обрызгали?

– Конечно, доброе! Шутка же! – решил Чибис.

– Тогда, может, астероид Юта пролетит мимо? Ну, тот, про который недавно голосили американские астрономы...

Чибис покивал:

– Да, знаю!.. Сегодня на православном занятии Бабаклара как раз про него спрашивал отца Бориса...

– Бабаклара? Он разве ходит на эти занятия?

– Иногда ходит. Говорит, ради интереса. Чтобы поспорить... Нынче спросил: «Отец Борис, эта Юта, она что? Наказание Господа или просто космический кавардак? Вляпает она в нас или пролетит?»

– А тот?

– Отец Борис говорит: «Уверен, что пролетит, Господь милостив...»

– На Бога надейся, а сам не плошай, – сказал я.

– А как тут «не плошать»? Молиться только... Не пошлешь ведь навстречу этой Юте ядерные ракеты, как в американском кино...

– Можно бы и послать! Общими стараниями! Лучше, чем воевать там и тут...

– Сейчас уже поздно. Денег не наскрести на это дело: мировой финансовый кризис... Клим, а ты почему не ходишь на уроки отца Бориса? Из принципа или времени жалко?.. Он интересно рассказывает...

Я почувствовал, что надо отвечать честно. Не такой момент, чтобы валять дурака.

– Чибис, ты вот очень боишься щекотки, да?

– Ну...

– А я очень боюсь боли и крови... Когда мне было пять лет, меня сильно покусали бродячие собаки. Накинулись почему-то... Следов не осталось, но боль запомнилась. И с-страх ос-стался... – Это проснулось давнее заикание. – Понимаешь, теперь я даже не для себя боли боюсь, а вообще... Когда мушкетеры в кино втыкают шпаги в гвардейцев, я зажмуриваюсь незаметно... как дурак...

– Вовсе ты не дурак, – тихо сказал Чибис. – Но при чем тут отец Борис?

– Он-то ни при чем... Но когда рассказывают, как распинали Христа... гвоздицами... Я слушать про такое не могу. И на картинах не могу это видеть... Потому что беспомощный... У него такая боль, а я ничего не могу поделать, не могу заступиться. Будто виноват...

Чибис долго шагал молча. Чуть сутулился. Потом сказал, поддавая кроссовками снятый рюкзак:

– А ты... вот и рассказал бы про это отцу Борису.

– Нет, я про это никому... только тебе, первый раз...

Чибис покивал на ходу: понятно, мол. И встряхнулся, перескочил на другую тему:

– Книжку-то японскую не забудь завтра, ладно?

Поздно вечером собралась гроза. Я стоял у окна. Сначала пространство за открытой рамой заполнилось глухой, как черная вата, мглой. В окнах домов почему-то не горел свет, а на улице не стало автомобилей. И прожекторы не светили на колокольню, – наверно, их выключили, опасаясь грозových разрядов. Ночь пуще прежнего запахла теплой пылью, бензином и клейкой тополиной листвой.

Потом в пространстве что-то щелкнуло. Тьма сделалась прозрачной. Не было проблесков, но прозрачность стала ощутимой, как прохлада. И вдруг ее распахнул моментальный синий свет! Возникли над крышами провалы и выпуклости туч, вспыхнул зеленым костром большой тополь, колокольня засияла белизной... Все это – на миг и в полном беззвучии. Но почти сразу раздался шорох, а воздух как бы качнулся весь разом. Его качание сразу вымело с улицы запахи бензина и пыли. А запах тополей стал сильнее в десять раз. А еще – запах дождя. Дождь накатывал, шуршал каплями, струями. Зашумел наконец потоками. И ка-ак грохнуло! И снова синий свет!

– Ура... – выдохнул я.

И вобрал воздух, как включенный на всю мощь пылесос. Взметнулась штора, полетели со стола взьерошенные тетрадки – от сквозняка. Это шагнула в комнату мама.

– Клим! Ты с ума сошел! Закрой окно!

– Ма-а-а! Зачем?!

– Потому что молния может влететь в комнату!

– С какой стати?

– Из-за разницы давления здесь и на улице!

– Где ты про это слышала?

– Была передача в «Мире природы»...

– Ее делали параноики!.. У нас на доме громоотвод!

– Знаю я эти громоотводы...

В этот миг опять шарахнуло. Кажется, прямо над крышей. Вспышка была такая, будто зажглись и тут же разлетелись вдребезги тысячи синих лампочек.

– Ай! Закрой немедленно! – Мама зажала уши. – Ты хочешь моей смерти? Если не от молнии, то от инфаркта!..

Я не хотел – ни от того, ни от другого. Этого еще не хватало! Двинул от себя две тяжелые створки пластмассовой («европейской») рамы. Они чмокнули пазами и сразу отодвинули гул грозы.

– Вот... И опять духотища...

Но духотищи уже не было – влажный ветер успел просвистеть комнату.

– И не вздумай открывать снова, – с облегчением сказала мама. – Подумаешь, храбрец какой...

Я никогда не был храбрецом! Наоборот... Если составить список всего, чего я боялся в жизни, он не влез бы на тетрадный разворот. Я и грозы побаивался, но только под открытым

небом. А в родной «каюте» громы и молнии казались мне безопасными – они сверкали и грохотали как бы в ином измерении...

Мама взяла меня за плечи, двинула назад, усадила на постель. Села рядом. При новом громовом ударе прижала к себе плечом. Я снисходительно сказал:

– Теперь-то уж не бойся... Шла бы лучше к Лерке. Она небось пицтит от страха.

– Она благополучно дрыхнет. Допоздна скакала с подружками в «классики», еле ноги принесла...

– А папа?

– Он еще больше измотанный. Они с Глебом Яковлевичем дорабатывали последнюю серию...

– Все равно она какая-то... не такая. Почему, если парень и девушка любят друг друга, они должны выпендриваться? «Ах, значит, я тебе не нужна? Оставь меня, я все поняла!.. Я уезжаю на Сахалин!»

В ответ на мою дерзость гром снова встряхнул законную глубину, однако мама уже не испугалась. Только прижала меня крепче. И посмеялась:

– Папа, кажется, учел твою критику. Они с Садовским там что-то переделывали...

– Давно бы так... – пробормотал я. – А то строят сюжет на фундаменте из кислой капусты...

– Ну не папа же строит! Сюжет разработал Глеб Яковлевич, а папа занят лишь редактурой... Ты же помнишь, он два раза хотел отказаться от этой работы, да только... сам понимаешь.

– Понимаю. «Что тогда будем кушать...» Ну и не померли бы...

Мама запустила пальцы в мои отросшие волосы на затылке, покачала голову:

– Хорошо, что ты такой...

– Какой?

– Нетребовательный... Другие детки изводят родителей: «Хочу мобильник за двадцать тысяч, хочу горный велосипед, хочу джинсы из Калифорнии...»

– Хочу мороженку с клубникой, – хмыкнул я. – Можно возьму в морозильнике?

– Лера слопала последнюю...

– Я же говорил: клизма...

– Клим! Она – ребенок.

– А я?

Мама посмеялась и снова потрепала мой затылок.

– Мур-р... – отозвался я. И внутри у меня вдруг будто заиграла флейта – ту мелодию, которую сегодня я слышал на выставке кукол...

Насчет нетребовательности мама сказала точно. Я и правда не мог понять, чем калифорнийские джинсы лучше наших местных, фабрики «Восход». Тем, что всяких нашлепок больше? Зато наши легче и мягче, не натирают там ничего... И старый мобильник (отцовский еще) меня устраивал. Ну и пусть без всяких наворотов! Лишь бы слышимость была отчетливая и сигналы без перебоев. А влезать в Интернет через телефон – на фиг мне надо. И копить в мобильной памяти картинки с голыми девицами я не собирался. Этого добра и так полно на всех каналах, ребята правильно сегодня говорили, когда обсуждали Чибиса...

Вот суперсовременный горный велик хорошо бы занять! Но... чего прыгать в мечтах выше головы: он стоит как мотоцикл. И к тому же такой велосипед накладывает определенные обязанности. Надо показывать себя на треке в цирковом сквере, где всякие трамплины, крутые въезды, серпантины. А я... ну ведь сказано, что не храбрец. Так что пусть уж пока будет старенький «Орленок», я у него до отказа поднял седло и руль...

А вот чего мне хотелось по-настоящему, так это чтобы папа не тянул с покупкой «мазды». Наплевать, что не новая! Лишь бы скорее в путешествие! Мы давно задумали: как появится

машина – сразу в Крым! Папа так умел рассказывать про Черное море, про Севастополь! Он там жил, когда учился в начальной школе, и сейчас любил говорить, что нет лучшего города на земле...

Я считал, что путешествия – самое замечательное дело в жизни. И я уже успел побывать с родителями и Леркой в разных местах. Даже за границей, в Чехии (от Праги я просто обалдел). А еще мы ездили (только не на машине, а поездом) на Байкал, летали в Питер, в Москву и в Нижний Новгород, к папиным друзьям. Там тоже было здорово. Я только огорчился, что Волга шире нашей Туры. Но потом утешил себя: Волга впадает всего лишь в Каспийское море, а Тура – через разные реки – в Карское море, которое часть Ледовитого океана... Вырасту – буду ездить по всему земному шару!

Но только... Вот мама сегодня днем сказала: «Уедешь в какие-нибудь дальние края...» Конечно, уеду. И не раз. Только не навсегда. Я буду возвращаться.

Я знал, что мой город – самый хороший, несмотря на все чудеса и небоскребы в тысячах стран.

«Вермишель быстрого реагирования»

Ночью прогремел еще один ливень. Я осторожно встал на подоконник, приоткрыл наверху узкую форточку. Я же не нарушал маминых запретов, просто сделал щель. Чтобы опять запахло дождем и тополями. Потом свалился на тахту и заснул.

Утром улица сверкала – отмытая такая и свежая. Мои кроссовки хлопали по лужицам на асфальте – брызги кусали за ноги, а солнечные зигзаги разлетались по кюветам с одуванчиками. Впереди меня шагала тощая темно-синяя тень.

Дежурные у входа не стали придирааться и цапать за плечи. Наверно, потому что без формы оказался теперь не я один. То и дело проскакивали в школу пацаны в разноцветной одежке и с голыми ногами. И малышня, и такие, как я. В коридоре перед «математическим» кабинетом тусовался наш шестой «Б». И тоже кое-кто был без формы. Бабаклара, например, в пятнистых бриджах и рубаше с немыслимым узором.

Мама Рита оказалась здесь же, беседовала с молодым математиком Геннадием Валерьевичем.

– Здравсте, Мам... Маргарита Дмитриевна. Здравсте, Геннадий Валерьевич! А правда, что сейчас контрольная?

– Здравсте. А вы, юноша, не знали?

– Знал, но надеялся: вдруг вы передумаете?

– Увы, это не я, а гороно. Судьба неумолима, друг мой, – посочувствовал мне Валерьевич. И опять повернулся к Маме Рите: – Какие они сегодня у вас разноцветные...

– Да... Вчера я необдуманно выпустила джинна из бутылки.

– Нормальных детей выпустили. А то похожи на официантов из «Метропля»...

– Но ведь форма дисциплинирует!

– Боже мой, какой ду... душевно тупой теоретик пустил в обиход эту фразу! Каждому свое! Солдаты должны выглядеть как солдаты, милиция как милиция, а дети как дети... Ох, как мы в наше время ненавидели синюю робу с оловянными пуговицами и клеенчатыми нашивками на рукавах!..

«Хороший мужик, – подумал я. – Но если не решу уравнения, двойку все равно вклепает. Он, как и мы, жертва системы...»

А Чибиса не было. Ни в коридоре, ни в кабинете. Лишь перед самым звонком он появился в дверях. С бинтом на щиколотке. Я – к нему.

– Что с тобой?

Он чуть прихрамывал.

– Симулировал растяжение связок. А то тетя Ага бдительно следит, чтобы я выполнял весь комплекс утренних упражнений. Обрыдло...

– Тяжкая у тебя жизнь...

– Да не-е! Вполне нормальная... Книжку принес?

Я вытащил из рюкзака сочинение Мичио Накамуры. Моя постоянная соседка Лёлька Ермакова понимающе сказала:

– Садитесь вместе, если у вас какие-то дела. Я пересяду к Светлане Баковой, она одна...

– Хитрая! А у кого я спишу контрольную?

Я не однажды сдувал у Лёльки математику, потому что был туп в расчетах и формулах, как «перезрелый кочан».

Белобрысая добродушная Лёлька покачала зелеными сережками:

– Про параллельные миры читаешь, а простые правила по математике не можешь выучить.

– Ну и что? Великий Эйнштейн придумал теорию относительности, а простых формул тоже не помнил. Его в детстве звали «тупеньким»!

– Ты разве уже Эйнштейн?

– А ты не знала?!

Контрольная оказалась нетрудная. В задачке по определению вероятности я разобрался сам, а кое-что специально для меня решила Лёлька (вообще-то у нее был другой вариант). Обошлось.

День – субботный, поэтому четвертым и пятым уроками была физкультура. На школьном дворе. Бег на шестьдесят метров и прыжки в длину. Чибис, покачивая ногой, объяснил про растяжение и уселся в сторонке, верхом на гимнастическом бревне. Галина Антоновна посмотрела на него и решила:

– Тогда гуляй домой. Не разлагай своим праздным видом коллектив.

Я заикнулся было про больное горло, чтобы тоже «гулять», но Галина Антоновна сказала:

– Великий Станиславский в таких случаях кричал: «Не верю!» У тебя, Ермилкин, актерского мастерства – ни на грош.

Чибис помахал мне рукой и удалился, сдержанно прихрамывая. Он-то Станиславскому, наверно, понравился бы. А мне пришлось бегать и прыгать. Но все кончается. Через час, отпущенные, «так и быть, пораньше», мы похватили с травы рюкзаки – и по домам.

У Лёльки был большущий рюкзак, с чем-то тяжелым.

– Что там у тебя?

– Два электрических утюга, наш и соседкин. Я их на большой перемене забрала из мастерской, тут рядом...

– Давай, – сказал я.

Раньше я никогда не провожал Лёльку и вообще не ходил из школы с девчонками. Не ради какого-то принципа, а просто не случалось. Но сейчас я был благодарен Лёльке за контрольную.

– Возьми, – согласилась она. – А твой давай мне...

– Управлюсь с двумя.

Лёлька жила недалеко, но в том квартале, где я бывал редко. За логом, в районе Большое Городище, на улице Энгельса. Мы пошли через мост на Камышинской. Я шевелил плечами под лямками и один раз покряхтел.

– Тяжело?

– Ни капельки...

– Станиславский закричал бы: «Не верю!»

– Пусть он это своей жене кричит!

– Но он же давно умер!

– Тем более...

Скоро мы пришли к деревянным воротам с калиткой.

– Может, зайдешь? Хочешь чаю?

– Спасибо. Не хочу...

Я уронил в молодую сурепку рюкзак с утюгами, сделал «под козырек» (хотя козырька не было) и облегченно зашагал обратно. Хотелось оглянуться, но я почему-то стеснялся. Впереди, по бугристому асфальту с проросшими подорожниками, опять шагала моя тень – теперь съезженная, короткая. К подошвам липла тополиная кожура.

Я снова вышел на мост. Подскочил, лег животом на чугунные перила. Внизу, в загустевшей зелени, урчала почти невидимая речка Туренка (или иногда говорили «Тюменка»). Валялся в кустах ржавый кузов какой-то допотопной легковушки. Я вспомнил про «мазду» (правый руль), но прогнал боязливость.

За спиной проскакивали машины, в том числе и грузовые. Мост потряхивало. А потом кто-то тряхнул и меня. Толкнул, вернее. Легонько так, вежливо, под локоть.

Я съехал животом с перил, оглянулся.

Рядом стояли двое пацанят. Вернее, мальчик и девочка. Лет семи-восьми. Довольно потрепанного вида. Ну, девочка еще туда-сюда, хотя бы умытая. В клетчатом платице, в простеньких колготках с дыркой на колене, с коротенькими, но толстыми косами, поверх которых курчавились завитки бронзового цвета. Круглолицая, светлоглазая... А мальчишка был в полинялом трикотажном костюме с пузырями на коленях и с перемазанными щеками. Глаза – густо-коричневые, с тенью от висков до переносицы. И... требовательные такие глаза.

Мальчишка сказал тихо и сипло:

– Послушай... ты можешь сделать доброе дело?

Вот вопросик!

– Ну... вообще-то могу, наверно. Смотря какое. Автомобиль подарить не могу...

– Не надо... – по-прежнему сипло отозвался мальчик. Он глядел на свои расхлябанные босоножки (из них торчали голые пальцы, и мальчик шевелил ими). Уши у него были большие и остроугольные, как у эльфов из мультиков. – Можешь дать пять рублей?

Подумаешь, «доброе дело»! Сейчас даже нищим подают десятку! А билет в автобусе стоит двенадцать рублей и обещают добавить еще! У меня же – вчерашняя добыча, двести пятьдесят!

Я достал блестящую монетку.

– На...

Он взял нематыми пальцами и тут же отдал девочке. А та вдруг заулыбалась, хорошо так.

– Спасибо... («Спа-аси-ибо», – получилось у нее протяжно и мягко).

– На здоровье!.. – хмыкнул я.

Но сразу уйти было неловко, они смотрели, будто собирались еще что-то сказать. И я спросил:

– А вам они зачем, эти деньги? Даже на жвачку не хватит... (Хотя какое мое дело?)

Они заговорили разом (голос мальчишки сделался чище):

– Это не на жвачку, это собаке...

– Она маленькая еще, почти щенок...

– Мы ее подобрали...

– А щенкам ведь надо теплую пищу, хоть раз в сутки... У нас было всего два рубля, а надо семь...

– Мы покупаем вермишель...

– Которая для быстрой варки...

– А! – догадался я. – «Вермишель быстрого реагирования»!

Они одинаково заморгали. Непонимающе. Я хмыкнул и подробно объяснил:

– У меня есть сестра. Такая вот, вроде вас. Однажды заварила себе эту вермишель, решила стать самостоятельной. Ну и почти сразу у нее скрутило живот. Целый час не слезала с горшка... Хотя виновата была не вермишель, а то, что сестрица перед этим стрескала четыре соленых огурца и запила пол-литрой молока. Но она все равно выла до вечера: «Это из-за нее...» Вот отец и сказал: «Написано – вермишель быстрого приготовления. А на самом деле – вермишель быстрого реагирования»...

– Ага, есть такие военные части, – серьезно уточнил мальчик.

А девочка добавила:

– Наш Бумсель так не реагирует. Лопает и миску вылизывает до полной медицинской чистоты...

– Я тоже, – признался я (ребятишки мне нравились). – Если дома нет готовой еды, завариваю и лопаю сразу две порции. И вылизываю...

– И мы... – сказал мальчик опять сипловато. – Если едим вместе с Бумселем. Когда ее много. Она нам нравится...

– Потому что называется так же, как мы...

– Это как? – не понял я. – Вы кто? Десантный спецбатальон?

– Да не-е... – стеснительно сказал мальчишка и пошевелил пальцами в сандалиях. – Там на пакете имена написаны...

Девочка объяснила понятнее:

– На упаковке два поваренка и подпись: «Александра и Софья». Как мы. Я – Софья, а он... ну, конечно, не Александра, а мужского рода, но все равно похоже – Александр...

Я вспомнил: действительно, все это было на пакетах с вермишелью, которые я и мама покупали иногда в магазине «Тамара».

– А у вас тут где магазин?

– Недалеко, – почему-то заторопились они (Александр – сипло, Софья – звонко). – На Библиотечной улице... Круглосуточная продажа... Там всякие продукты...

– По пути, – сказал я. – Пошли...

Было не совсем по пути, но мне почему-то не хотелось расставаться с этими ребятами так сразу. Александр – он был непонятно какой, а Софья... в ней чудилась деловитая такая ласковость. Вроде как у Рины Ромашкиной из поселка Колёса (только Рина – большая, и где она теперь...). Мне даже подумалось: «Вот была бы наша Лерка такая».

– Пойдем! – обрадовались они.

Александр даже попытался взять меня за руку, но тут же застеснялся и отскочил.

Мы перешли по мосту в сторону Крупской, свернули вдоль лога, затем направо, на Библиотечную. И... остановились. Всю улицу, от забора до забора, заливала широченная лужа. Ночные ливни постарались!

Асфальтовые тротуарчики прятались под водой. Лишь прошлогодний репейник нахально торчал над синей поверхностью.

– Вот это да!... – шумно прошептала Софья. – Тихий океан...

Александр тряхнул ногами, скинул босоножки. Одну за другой перебросил их через лужу (было метров семь). Подступил к Софье:

– Давай перетащу...

– Пуп развяжется... – вздохнула та.

– Ну и ладно. Мой ведь пуп, не твой...

Я сдернул кроссовки и носки, протянул Александру:

– Возьми, перенесешь. А я – Софью.

Они не спорили. Софья оказалась не тяжелая, вроде Лерки. И так же, как та при переправах через ручьи и лужи, ухватила меня за шею. Будто я таскал ее много раз. Глубина была по щиколотку, а кое-где и выше. Я ступал осторожно. Александр с напряженным лицом ждал «на том берегу». Посреди лужи Софья щекочуще шепнула мне в ухо:

– Тебе не тяжело?

– Вот еще... Ты как эта... колибри...

Перешли. Софья скакнула у меня с рук, я обулся. Александр насупленно сказал:

– А магазин – вот он... – и вытянул руку к одноэтажному кирпичному дому столетней постройки. – А... знаешь что? Ты не мог бы... раз уж пришел... купить вермишель? – Он протягивал мне мою монетку и еще двухрублевую денежку.

– Ну... могу... А сами-то вы что?

Софья сказала:

– Там продавщица такая... не то что сердитая, а всегда пристает с разговорами. Санчик один раз ей сказал: «Не ваше дело», а она сразу: «Давно в милиции не был, да?»

Я взял денежки и шагнул к магазину.

Наш город – удивительный. Рядом с новыми кварталами – старина. Пройдешь между вполне столичными многоэтажками, а за ними – деревенский квартал. Можно увидеть рядом стеклянный супермаркет и магазинчик, похожий на купеческую лавку. Вот этот был как раз такой, «старорежимный». Внутри пахло копченой рыбой и печеньем. Толстая продавщица ворочалась на фоне полок с банками-бутылками, как башня линкора. Пакетики с вермишелью я увидел сразу, под стеклом прилавка.

– Пожалуйста... вот это... – И вдруг добавил: – Четыре штуки.

Продавщица почему-то хмыкнула, но сразу подняла стекло. Достала что нужно. И сказала с неласковой догадливостью:

– Для Соньки-Саньки небось?

– Ну... и что? – слегка ошетинился я. – Разве нельзя?

– Дак на здоровье... А то бабка их совсем заморила... – Она заскрежетала кассовой машиной музейного вида.

– И еще кока-колу... литровую.

– Литровую так литровую... – Она полезла в холодильник, тот шатнулся. Задом выдвинулась обратно. И спросила: – А ты им кто?

– Прохожий... – буркнул я. И почему-то не сдержался: – Вам-то зачем знать?

– Да ни за чем. Только очень ты невоспитанный. А еще пионер... или кто вы там сейчас...

– Сейчас мы там беспартийные, – сообщил я, сгребая пакетики и бутылку. – Извините за невоспитанность...

Шагнул под жаркое солнце.

– Уй... сколько накупил!.. – распахнул глаза Санчик. И на лице прочитался вопрос: «Это, что ли, все нам?»

– Чтобы лишний раз не ходить к сердитой торговке, – объяснил я. – Ваш Бумсель ведь не только сегодня запросит есть.

Брикеты я отдал ребятам, а у бутылки «свернул голову». Глотнул шипучий холод. Вот благодать-то! Дал запотевшую бутылку Санчику.

– Пейте... Осторожнее только, не наскребите на себя ангину... – Это я вспомнил, как мама говорит Лерке, когда та подвывает от нетерпения, хватая холодную бутылку.

Они по очереди присосались к горлышку. Потом Софья протянула бутылку мне:

– Спасибо...

– Оставьте себе, – сказал я. – У меня дома есть в холодильнике. – И подумал: «Если Лерка еще не выдула».

– Спасибо, – опять сказала Софья. И вдруг спросила: – Хочешь посмотреть нашего Бумселя?

Я, по правде говоря, не очень хотел. Совсем не хотел.

– Не-а... Понимаете, я не люблю собак. Меня, когда я был такой, как вы, даже меньше, покусали несколько псов. Налетели на пустыре... Я даже заикался целых полгода... Какая там любовь!..

Они посмотрели друг на друга. Разом вздохнули и заговорили наперебой:

– Да он совсем не кусачий!

– Он игрuchий... И маленький еще!

– Он каждому человеку радуется!

– И тебя всего облизет!..

Оказаться облизанным какой-то подозрительной псиной (пусть и не кусачей) – вот радость! Но... день был такой, что домой не хотелось. И оставлять этих ребятишек не хотелось. Я чувствовал: они огорчатся, если я сейчас отвалю в сторону. Хотя чего им еще нужно? Вермишель я им купил, даже с запасом... А мне чего надо от этих «мелких представителей человечества»?

Может, дело в том, что они похожи были на подшефных малышей девочки Рины?

А что мне Рина? Небось и не помнит. («А был ли мальчик?») Почти год прошел...

На ходу я достал мобильник:

– Мама!.. Ты меня не теряй, я погуляю с ребятами... Нет, не с классом. Я тут познакомился на Крупской с местными жителями... Мама, никакие не хулиганы! Милые, ин-тел-лигентные дети лет семи-восьми. Лерке бы брать с них пример! Они хотят показать мне своего щенка... Буду преодолевать свою собакофобию... Нисколько не голодный! Приду через час и съем три порции блинчиков с морковью...

Санчик и Софья смотрели на меня с веселым удивлением. Я внушительно объяснил:

– Мама любит порядок. Такое правило: «Гуляй где хочешь, но держи меня в курсе».

Софья осторожно сказала:

– Ты ведь уже большой...

– Для кого? Для вас или для мамы?

Они понятиливо посмеялись. Но тут же Санчик серьезно объяснил:

– А мы с бабкой живем.

– С бабушкой... – уточнила Софья. – Потому что мама и папа на Севере, по контракту. До сентября...

– Может, заработают денег, купим хоть комнату в коммуналке. Заначка уже есть, – взрослым тоном сообщил Санчик.

– Только деньги дешевеют, а квартиры дорожают, – в тон ему добавила Софья.

Внешне они были совсем не похожи друг на друга, а в интонациях угадывалось что-то общее. Понятно, что брат и сестра. Однако видно, что не близнецы. Интересно, кто старше?

– Вы учитесь? В каком классе?

– Сончик еще ни в каком, осенью пойдет в первый. А я – во второй, – охотно разъяснил брат.

Итак, он – Санчик, а она – Сончик. Или, наверно, Соня. В самом деле, Софья – это как-то громоздко.

– А зато я лучше Санчика читаю, – простодушно похвасталась мне Соня. И показала брату кончик языка.

Санчик не обиделся (видать, не впервой). Разъяснил:

– Ничуть не лучше. Просто я люблю слушать, когда читают вслух. Мне тогда лучше представляется, что в книжке...

Я проявил вежливый интерес:

– А что читаете?

– В эти дни – про Робинзона, – солидно откликнулась Соня.

Ого! Образованные детки!

Санчик сказал:

– Хорошо, что сейчас вечером светло. Можно читать на дворе. А то в доме бабка на это ругается, говорит, что спать не даем...

Я забеспокоился:

– А на меня бабка не заругается? Скажет: появился тут неизвестно кто и откуда...

Они опять заговорили наперебой:

– Да не-е... Она с чужими вежливая...

– Да ее и дома нету...

- Она вахтером работает...
- На круглосуточном дежурстве...
- В общежитии студентов на улице Красина...
- Общежитие было мне знакомо – с нашим домом совсем рядом.
- А вы что? Целыми сутками одни живете?
- Почему же одни? – удивилась Соня. – Друг с дружкой.
- И с Бумселем, – добавил Санчик. И почему-то вздохнул.

Они шли по обе стороны от меня и часто брали за руки. И быстро поглядывали снизу вверх, будто опасались, что я сейчас передумаю и поспешу домой (где блинчики с морковкой). Санчик продолжал объяснять:

- А еще у нас есть сосед. За забором. Дядя Кирилл...
- Да! Он нам воду дает из своего колодца, – подтвердила Соня.
- Когда трезвый... – уточнил Санчик.
- Он довольно часто трезвый, – заметила Соня.
- «А куда мы идем?» – подумал я.

Места были вроде бы совсем недалеко от моей улицы, но в то же время – не мои места. То есть я бывал в них очень редко. Просто незачем было ходить здесь. Ну, проскакивал иногда на велосипеде, так, из любопытства, может, раз в году. По правде говоря, мешало еще и опасение: часто посреди улиц гуляли крупные псы – похоже, что бездомные. Правда, вели они себя добродушно, ни разу на меня не гавкнули, но все-таки сидело во мне прежнее опасение («п-прежнее оп-пасение»)...

Впрочем, сейчас псов не было. И прохожих не было. Солнечная, пересыпанная желтыми лютиками пустота. Только где-то далеко орал петух.

Бумсель

Свернули в Кольцовский переулок, пошли вдоль осевших в лопухи домов с тяжелой резьбой над окнами. И опять оказались на краю логга. Это было его небольшое ответвление, «аппендикс». В лог, в кленовые заросли уходила кривая деревянная лестница. А из кленов торчали две шиферные крыши, и над ними, на столбе, отражала солнце белая тарелка телеантенны.

Да, в этом месте (которое называлось «ул. Городищенский лог» – табличка на столбе у лестницы) я бывал и раньше, раза два. И думал: «Прямо бразильские фавелы какие-то. Кто здесь живет?» И вот оказалось, что живут мои новые знакомые. С бабкой, псом Бумселем и соседом дядей Кириллом (который иногда трезв).

Санчик и Соня проскочили вперед, стали спускаться по шатким ступеням. Оглядывались на меня – будто готовы были подхватить, если оступлюсь. Но я старался ступать ловко – не привыкать, мол. Хотя внутри шевелилась боязнь (вроде как у белого человека перед хижинами туземцев).

Слева, из кустов зацветающей черемухи, донесся хриплый лай. Я вздрогнул. Санчик и Соня заговорил взахлеб:

- Не бойся!
- Это не Бумсель!
- Это Тушкан дяди Кирилла!
- Он на цепи, он не выскочит!
- Да он и не злой, только хриплый!.. Тушкан, тихо ты, тут свои!

Тушкан поверил и умолк.

Лестница привела в зеленую полутьму, на заросшую лебедой площадку. Лебеда была влажная. На краю площадки оказалась калитка в изгороди из разномастных досок. Санчик ударил ее плечом.

За калиткой был довольно просторный двор (а сверху его и не разглядеть). С облезлым домом в три окна, с грядками, с сараем. От крыльца к сараю тянулась веревка, на ней сушились пестрые половики и клетчатая юбка. Санчик и Соня нырнули под половики, поманили меня, и мы оказались за сараем – между бревенчатой стенкой и покрытым чертополоховой чашей откосом. За стенкой слышались громкие взвизгивания. Кто-то нетерпеливо скребся в крохотную, как корабельный люк, дверцу.

– Сейчас, сейчас!

Санчик выдернул из щеколды сучок. Дверца люка опрокинулась в траву. Из квадратной дыры вылетело что-то... вроде как пушечное ядро, обросшее черной шерстью.

Ядро ликующе верещало и ухитрилось прыгать на грудь сразу Санчику, Соне и мне. Я был в одну секунду облизан от кроссовок до ушей и едва устоял на ногах.

– Бумсель! Фу!.. Тихо ты! Кому говорят! Смирно, балда! – вопил Санчик, уворачиваясь. – Сидеть!

Бумсель пронесся вокруг нас по стремительной орбите и вдруг сел на задние лапы. А передними замахал перед грудью. Вот, мол, какой я послушный...

Теперь появилась возможность его разглядеть. Курчавого и косматого.

Наверно, это был пудель. Скорее всего, не чистокровный, а со всякими примесями. Виделось в нем что-то и от терьера (который живет у наших соседей и которого я вежливо обхожу стороной). Мордашка бородатая такая... А глаза как блестящие черные маслины. Здесь была тень, но в глазах Бумселя все равно горели солнечные точки. Из-за спины его разлетался мусор – там бешено вращался похожий на мохнатую кочерыжку хвост. Два пучка шерсти, заменявшие уши, то вставали торчком, то падали на глаза.

Сразу же я понял, что в этом существе нет ни капли зла. Что никогда оно не рыкнет на меня, не оскалит зубы, не оцетинится. Что в нем только веселье, любовь и счастье от того, что рядом есть приласкавшие его люди. Что оно готово всего себя отдать этим людям, слиться с ними в порывах радости...

Я засмеялся, схватил пуделя под мышки, как игрушку, опрокинул на спину. А он вертелся и лизал мне кисти рук. Оказалось, что у него почти голый розовый живот. Я поскреб его, и Бумсель восторженно задергал задними лапами. Затем вскочил, выписал по траве восьмерку и сел против меня с веселым ожиданием. И опять – мусор из-под хвоста.

– Где вы нашли такое чудо? – спросил я.

– Оно само нашлось, – объяснил Санчик. – Первого мая. Мы идем, а он вдруг за нами. Из-за угла. Потому что мы жевали ватрушку. Дали ему, и он тогда совсем прилип. Не отходит никак. Говорю: «Иди домой к своим хозяевам!» А хозяев, наверно, нету, потому что он тощий и в репьях... Я даже бросил в него старой туфлей, чтобы отстал, а он схватил ее, потрепал и несет мне...

– Так и пришел к нам... – вздохнула Соня. – Бабка сразу кричать начала: «Чтобы я его в доме не видела!» Еле упростили: пусть поживет в сарае, где раньше куры жили... Она говорит: «Только недолго. И кормите сами, у меня не собачий интернат...» Вот и кормим...

– Чем сумеем, – добавил Санчик. – Сонь, давай разжигать.

Я увидел, что у них тут целое хозяйство. В лебеде была сложена из кирпичных обломков печурка. Рядом лежал фанерный ящик. Из-под него Соня достала закопченный котелок и несколько мисок. У стенки сарая, под влажной мешковиной, – мятая канистра. Соня и Санчик нагнули ее над котелком, и забулькала вода. Оказалось, что холодная. Потом они умело загрузили печурку щепками и стеблями сухого бурьяна. Бумсель с интересом следил за этими делами. Санчик достал из-под кирпича зажигалку, чиркнул. Огонь загудел сразу. Соня поставила котелок на жестяную конфорку.

«Натуральное хозяйство», – подумал я и спросил:

– А дома-то разве нельзя воду вскипятить? Наверно, быстрее получилось бы...

– Что ты, – насупленно отозвалась Соня. – Бабка увидит по счетчику, что плитку включали, раскритичится...

– А газа нет?

– Какой здесь газ... – по-взрослому вздохнула Соня. И вдруг глянула как-то скомканно. – Клим... – Они уже знали, как меня зовут.

– Что?

– Клим, а можно мы не только для Бумселя... а еще и для себя сварим?

Господи, какой же я болван! Почему не понял сразу, что они голодные не меньше, чем пес!

– Варите, конечно! А я... тоже с вами перекушу, ладно?

Мне подумалось, что, если будем обедать вместе, они станут меньше стесняться. Много-то есть я не стану, так, для вида...

– Да! – обрадовался Санчик. – У нас как раз три ложки!

Вода закипела быстро. Мы раздавили все четыре брикета и высыпали вермишель в брызжащий опасными каплями котелок. Прикрыли его миской. Я по часам мобильного посмотрел, когда пройдут три минуты (а Бумсель вставал на задние лапы и пританцовывал). Ну вот и всё...

Мисок было три. Соня сказала, что она и Санчик будут есть из одной.

– Вот из этой, которая побольше...

Я схватил котелок в лопуховые (большие уже) листья, разлил варево по облупленным мискам. Конечно, брызнул на колено и взвыл. Бумсель тоже подвывал – от нетерпения.

– А тебе пока нельзя, – сказала ему Соня и объяснила мне: – Собакам вредно есть такое горячее, надо немного остудить.

Санчик вытащил из-за канистры алюминиевый тазик, налил в него воду, поставил в нее миску Бумсея.

Я предложил:

– Подождем пять минут все вместе. Чтобы ему не было обидно, – и опять глянул на часы мобильного.

– Ага! А я хлеба принесу! – И Санчик ускорил в дом.

Я сел в лопухи, прислонился к стенке сарая, вытянул ноги. Пахло прошлогодними листьями кленов, молодой травой и «вермишелью быстрого реагирования». Бумсель смотрел обиженно: «Почему не кормите?»

– Иди сюда, – позвал я.

Он тут же подошел. Я ухватил песика под мышки, положил животом к себе на колени. Бумсель притих, только хвост его быстро вращался. Я взял его за уши.

– Хорошая собака...

Ну мог ли я подумать еще полчаса назад, что вот так бесстрашно и с удовольствием буду ласкать незнакомого пса?

У Бумсея часто стучало сердечко.

Прибежал Санчик – с горбушкой каравая и старым номером «Тюменских ведомостей». Соня расстелила газету на ящике.

– Вот. Теперь как в столовой...

– Дай нож, – сказал Санчик.

Соня из кармашка на платянице вынула складной ножик размером с мизинец. Со шнурком на колечке. Санчик начал крошить им горбушку. Ножик годился для заточки карандашей, но никак не для резки караваев. И все же Санчик ухитрился разделить горбушку на три порции.

– Теперь давай... – Соня протянула к Санчику ладонь.

– Ну чего... – бормотнул он.

– Давай-давай.

– Я в свой карман положу...

– Вот! – Соня показала ему аккуратную дулю. – Забыл, как договаривались?

Санчик сжал губы и отдал ножик.

– Чего ты с ним так строго? – спросил я Соню.

– А потому что... он знает почему. Из-за такого ножичка он до сих пор на учете в милиции.

Я присвистнул. И не поверил.

– Нет, правда, – насупленно сказала Соня. – Мы в прошлом году жили в Медведково у тети Анюты – это мамина сестра. Там ребята одну девочку не любили, потому что она заикалась и ни с кем не играла. Как увидят на улице, давай за ней гоняться: «Галка-заикалка, не язык, а палка!..» И в тот раз тоже. Заметили и погнались... А Санечка наш, он же всегда за всех лезет заступаться. Она упала, а он встал перед мальчишками, кулаками замахал: «Не трогайте!» А в кулаке ножик...

– Только не этот, а другой. Но похожий... – хмуро уточнил Санчик. – Я даже и забыл, что он в руке.

– Ну да, – кивнула Соня. – Он тогда что-то из коры вырезал, так и побежал...

– Паровозик я вырезал, чего еще...

– Да!.. А тут участковый Сарайцев... Взрослые не умеют разбираться толком. Получилось, что Санчик во всем виноват, затеял драку с ножом... Его учительница до сих пор каждую четверть на него характеристики в детскую комнату пишет: все еще он бандит или исправился?..

«Сколько же на свете идиотов», – подумал я (не первый раз в жизни). А Соня скучноватым голосом продолжала рассказ:

– Ну вот, мы и договорились, чтобы никогда никакого ножика у него не было, а то вдруг опять что-нибудь... А если надо заниматься вырезанием, он берет у меня... Я же всегда сразу даю, верно, Санчик?

Он кивнул, но лицо у него было какое-то... ну, будто замороженное. И я вдруг подумал, что он может заплакать. Чтобы не заплакал, я быстро спросил:

– А что ты вырезаешь?

– Чаще всего паровозики, – быстро ответила за Санчика Соня. – Они у него так замечательно получаются!.. Сань, покажи...

Тот кивнул и полез в сарайчик. А когда вернулся, лицо было уже «размороженным», глаза блестели. На ладони Санчика держал паровозик старинного вида, вырезанный из коричневой коры. Длинной со спичку... Такой удивительный! С крохотными колесиками и шатунами, с круглой, опоясанной обручами топкой, с будкой, на которой заметны были окошечки и дверцы. И длинная труба торчала над топкой...

– Вот это да... – выдохнул я.

Санчик вскинул коричневые глаза. Сказал шепотом:

– Хочешь, возьми себе...

– Да, – кивнул я сразу.

Не из вежливости, а потому, что правда хотел. Даже затеплел весь. Поставлю паровозик на ту же полку, где «Катти Сарк». Похоже, что они из одной эпохи... Но тут же я спохватился:

– А тебе не жалко?

Соня засмеялась:

– Да у него этих паровозов целое депо!..

Санчик застеснялся, отошел и сунул палец в миску Бумселя.

– Уже нормально... Бумсель, иди.

Тот слетел у меня с колен, как от пинка (но ухитрился при этом лизнуть мне локоть). И зачавкал, захрюкал, вращая мохнатой кочерыжкой хвоста.

Мы придвинулись к накрытому газетой ящику и взялись за ложки...

Бумсель управился первым. Вылизал миску, гоняя ее носом по траве, и глянул вопросительно. Я уделил ему немного от своей порции (и без того самой маленькой).

– Не балуй его, – сказала Соня. – Он может есть сколько угодно.

– Это на первый раз, в честь знакомства, – объяснил я.

Да, обед получился не очень-то обильный, но все же глаза у ребят повеселели. Санчик даже погладил себя по животу, как сытый купец в караван-сарае.

Я еще поразглядывал паровозик и осторожно опустил в левый карман рубашки. А из правого опять достал мобильник.

– Валерия!.. А мама где? У соседей? Ладно, передай, что я перекусил с друзьями, пусть не волнуется... Какое тебе дело с какими! Познакомился с людьми твоего возраста, только не с вредными, как ты, а с хорошими... Жалуйся на здоровье. – И объяснил Соне и Санчику: – Это сестрица. Особа с характером...

– А мы тоже с характером, – сказала Соня. – Бабка то и дело говорит: «Что за упрямые характеры!» И учительница Санчика: «Мишаткин, с твоим упрямым характером ты опять влипнешь в историю...» А он и не упрямый вовсе, только чуть-чуть...

– Мишаткин – это фамилия?

– Да, моя и Санчика...

Мне тут же пришло в голову:

– Тогда вас можно звать одним именем: Вермишаткины. Или Вермишата. За фамилию и за любовь к вермишели...

– Ой, правда! – возликовала Соня. – Санчик, хорошо, да?

Санчик тут же кивнул, но рассеянно. Он смотрел на меня напряженно – будто с просьбой, которую опасался высказать. Быстро глянул на сестренку. И наконец выговорил:

– Клим, а ты можешь еще?..

– Что?

– Ну... еще одно доброе дело...

– Не очень трудное... совсем не трудное... – добавила Соня.

– Ну, если совсем не... Ладно, говорите скорее.

– Дай нам на минутку свой телефон, – тихо попросил Санчик.

– Да, только на минутку, – подтвердила Соня. – Мы позвоним маме и папе. Просто узнаем, как они там. А то давно уж...

– Да пожалуйста!.. Набрать вам номер или вы сами?

– Сами! – обрадовался Санчик. – Может, мы и не дозвонимся, но вдруг повезет...

Он умело понажимал кнопки, с полминуты сидел замерев, с телефоном у щеки. Эльфовые уши торчали остро и напряженно. Потом Санчик мигнул, заулыбался:

– Папа! Это я, Саня! И Соня рядом!.. Ничего не случилось, просто долго не знаем про вас... Потому что мобильник разрядился и в нем деньги закончились, а бабка... баба Лена то есть, ни копейки не дает... Хорошо, заплати! А батарейку мы сами зарядим!.. А мама где? На вахте? Ты ей привет... Ага, пока... а то мы с чужого телефона... Ну, один знакомый мальчик дал!.. Ага, передам!

Санчик выключил мобильник и протянул мне. Улыбался.

– Папа сказал: передай мальчику спасибо... Он, когда уезжал, оставил нам свой старый сотовый, но в нем деньги кончились. Теперь он перечислит...

– Хорошо... А то давайте я положу полсотни на ваш счет. На разговор или на два хватит...

– Не надо, папа перечислит, – поспешно сказала Соня.

– Он всегда делает, что обещает, – объяснил Санчик. – Просто они с мамой не знали...

– А тогда номер ваш продиктуйте. Я запишу. На всякий случай... Помните номер?

– Конечно! – подскочил Санчик. И четко сказал мне цифру за цифрой.

Я ввел их в мобильник. Объяснил:

– Может, еще пригодится друг другу... Вермишата.

Соня серьезно кивнула. А Санчик... он опустил глаза, пошевелил пальцами в босоножке и вдруг спросил:

– Клим, а ты скаут, да?

– Че-во-о?

Он смутился:

– Ну... к нам в класс зимой какой-то дядька приходил, в рубашке со шнурками и погонами, с нашивками всякими. Рассказывал про скаутов. Говорил, что, когда подрастем, сможем записаться к ним, если хотим делать добрые дела... А ты вот тоже... вон сколько всего доброго...

– Чего – доброго? – Мне тошно стало от неловкости. – Вермишель, что ли? Вот подвиг!..

– Нет, вообще... – тихо сказала Соня.

– И форма у тебя похожая на ту, на дядькину, – заметил Санчик.

– Никакой я не скаут! А форма от лагеря осталась, от прошлогоднего. Ее нам на память отдали, потому что лагерь закрывался навсегда. Из-за кризиса...

Санчик смущенно почесал острое ухо. Соня же (видимо, чтобы разогнать неловкость) спросила:

– А как назывался ваш лагерь?

Гравитация

Лагерь назывался «Андромеда». Говорили, что среди начальства когда-то был любитель фантастики, вот и предложил название в честь книжки Ефремова «Туманность Андромеды». А с начальством не спорят...

Напросился я в лагерь не для радости, а наоборот. Назло себе. Дело в том, что прошлой весной и летом стали глотать меня опасения. Насчет моей личности...

Всякие страхи бывали у меня и раньше. То казалось, что у меня неизлечимая болезнь проказа (подозрительные пятнышки на теле); то возникала боязнь, что отец вдруг снова «слиняет» к какой-нибудь чужой женщине (хотя не было никаких признаков); то свербило голову, что я, наверно, не родной сын у мамы и папы (ну ведь не похож на родителей!). Позже я узнал, что такие страхи называются «подростковые фобии» и что бывают они у многих. Но тогда-то еще не знал и маялся всерьез! А фобия, загнавшая меня в лагерь, была насчет того, что я не приспособленное к жизни существо. Живу, «как растение мимоза в ботаническом саду» (вычитал в старой книжке Михалкова такие стихи).

В самом деле! Я же был «мамы-папино» дитя. Даже в детский сад ходил всего полгода – так уж получилось. Мама несколько лет занималась своей корректорской работой дома и заодно моим воспитанием.

Я дожил до одиннадцати лет и не ведал никаких несчастий. Родительского развода почти не помнил, а других драм в жизни не случалось. Самые большие трудности – это когда не ладится с математикой или когда вредничает Валерия. Всякие ангины и гриппы не в счет. От них только польза. Слегка пострадаешь, зато недели две можно не ходить в школу...

В школе все было нормально. Ни с кем крепко не дружил, но и не ссорился, хотя бывает, что к таким, у кого «мозги вместо бицепсов», прискребаются. Ко мне никто не приставал. Наверно, потому, что еще в первом классе я однажды заставил себя сцепить зубы и начал отмахиваться от обидчиков изо всех отчаянных сил. («Вы только подумайте, ребенок из интеллигентной семьи, а повел себя как взбесившийся гладиатор!» Никто не мог понять, что «ребенка» довели.)

В общем, в классе дела шли нормально. Однако незнакомых пацанов, у которых заметна была всякая там крутизна, я старался обходить стороной. И на улицах, и в школьном дворе. Такая моя боязнь посторонним не бросалась в глаза, но сам-то я о ней знал. И вообще много чего знал про себя. Понимал, что никакой закалки внутри у меня нет, потому что опасностей и суровых приключений в жизни не испытывал. Они были только в книжках, в телевизоре и на дисках DVD (не считать же нападение собак, после которого заикался полгода!).

А что же дальше-то будет?

Как стану жить, если попаду в армию? Или в спецучилище, где готовят разведчиков для параллельных пространств? Я был уверен, что такие училища (возможно, секретные) скоро появятся. На фиг я там нужен, мамин хлюпик!.. Да и в любом взрослом деле...

Короче говоря, в начале июня я стал зудеть, что хочу в летний лагерь. Мол, надо же привыкать к самостоятельности. А то ничего не видел, кроме семейных туристических поездок! Папа сказал, что это «речь не мальчика, но мужа». И в профсоюзе работников радио и ТВ раздобыл для меня путевку. Правда, только на третью смену. Два месяца я старательно помогал родителям обустраивать новое жилье, а в конце июля отправился в «Андромеду». С довольным выражением на лице и с обмиранием внутри.

Я был уверен, что придется там несладко. Слышал не раз, какие шуточки устраивает «лагерная братва» с теми, в ком учует мягкотелость характера. Это тебе не привычный пятый «Б», все придется начинать сначала!

Но оказалось, что никакой «братвы» нет. Гвалтливая малышня, девчонки, у которых на уме наряды да косметика; мальчишки, у которых мысли о футболе, о купании (чтобы подольше) и о вылазках в сады соседних дачников. Ну и большие парни и девицы – для них главная радость на вечерних дискотеках (какие там забавы, известно каждому). В общем, обычные ребята. Никто не приставал. И чего я вбивал себе в голову всякие страхи?

Я боялся еще, что стану скучать по дому и даже хлюпать носом в подушку по ночам (было однажды такое, когда после истории с собаками на несколько дней попал в детский стационар). Но и этого не случилось. Мобильник-то под рукой! Соскучился – набрал номер и... «Мама, это я! Как вы там? А мы тут в порядке. Загораем, гоняем мячики и питаемся четыре раза в сутки. Живот стал как у Тараса Бульбы! – Это было полное вранье, но надо же утешить родителей! – А еще спортом занимаюсь, фехтованием!.. Да ничего я себе не проткну, это безопасно!»

На самом деле таких занятий в «Андромеде» не было. Просто я узнал, что Стасик Барченко (курчавый, задумчивый и смирный) в городе ходит в фехтовальную секцию. Я попросил его показать «ну хоть пару приемчиков, чтобы знать, как это делается». Стасик был покладистый человек. Мы на берегу озера выбрали несколько прутьев орешника, нашли консервные крышки для щитков, смастерили «рапиры». Стасик научил меня, как вставать в боевую позицию, отдавать салют, делать выпады. Показал четыре основные защиты: четвертую, шестую, вторую, третью...

Занимались мы целую неделю, и Стасик говорил, что получается у меня неплохо. Победить его я, конечно, не мог, но иногда все же ухитрялся нанести укол. А один раз я Стасика удивил!

Когда старательно тренируешься, появляется такая автоматика в движениях. Рука уже сама знает, как брать защиту, как делать обманный перевод, как отвечать... Но случилось, что однажды я не стал делать ничего, а просто замер с опущенным оружием. Рука Стасика дернулась влево, ожидая выпада с той стороны, а я вскинул конец прута и уколол противника прямо в грудь. И даже виноватым себя почувствовал: как я легко обманул его. Стасик растерялся, округлил рот.

– Ну, ловко ты как... Хотя наш тренер сказал бы, что это некорректный прием.

– Разве незаконный?

– Нет, законный, конечно, только... ну, я сам не знаю. Конечно, судьи этот укол признали бы, но могли поморщиться...

– Почему?

– Понимаешь, такой прием хорош для настоящего боя, на войне, но не для спорта...

Я не хотел войны и дурашливо сказал, что больше не буду. Мы посмеялись. И все было хорошо, но через два дня за Стасиком приехал отец и увез его в Египет, в туристическую поездку. Я не успел даже взять у Стасика адрес...

Все сразу поскучнело. Хотя в общем-то было терпимо. А здешние вечера мне нравились по-настоящему. Ребята, которые не хотели дергаться на дискотеке под всякое рок-завывание, уходили на берег и разжигали костер. Небольшой такой, уютный. Тихо качались черные сосны, звезды между ними плавали туда-сюда. К ним улетали искры. Кто-нибудь из вожатых брал гитару, и мы начинали вспоминать песни. Всякие.

Чаще всех пел с нами вожатый Боря Высоцкий. Сами понимаете, с такой фамилией нельзя не быть певцом! Боря настраивал гитару и начинал. А остальные подхватывали. Не очень дружно, может быть, но от души. Почему-то особенно все любили старую песню «Гренада». И я любил. Только не все в ней было понятно. Как это «отряд не заметил потери бойца»? Что за отряд такой? Хотя... Стасик вот уехал, а всем – до лампочки, тоже не заметили. «А может, мальчика и не было?» Ведь и сам я тоже денек погрустил, а дальше все пошло как прежде. Да и грустил я даже не о Стасике Барченко, а о том, что больше не могу учиться фехтованию...

А вообще-то легкая такая, но постоянная грусть витала над «Андромедой» постоянно. Потому что маленький лагерь, который существовал еще с советских времен, теперь доживал последние дни. Он стал «нерентабельный». Ну и что же, что хороший? Прибыли-то не дает, а нынче кризис, каждый рубль на счету!.. В лагерной библиотеке мы увязывали в пачки старые книги и относили в деревенскую школу – в подарок (а куда их еще девать?). Раздавали местным ребятам списанные шахматы и волейбольные мячи. «Андромедовскую» форму нам решили забрать с собой, на память. И галстуки. Галстуки эти были похожи на скаутские, только их расцветка ничего не означала. Так, для красоты. Просто треугольные косынки, сшитые из самых разных кусков материи. Мы в первый день их расхватили наугад – кто какой успел. Мне достался черно-синий, и я был доволен. А то у некоторых оказались яркие, как девчоночьи платочки, некоторые даже в горошек...

Незаметно подобралась последняя неделя лагерной жизни, готовили уже прощальный концерт и костер. И вот в эти дни я познакомился с девочкой Риной.

То есть что значит познакомился! Вообще-то мы знали друг друга с первого дня. В одном отряде были! Но совершенно отдельно. Ничего нас друг в дружке не интересовало. Она с девочками занималась в кружке «оригами» (это всякие фигурки из бумаги), а я – или с мальчишками в лесу и на озере, или в кустах с книжкой. Папа дал мне с собой свой наладочник, в который были закачаны все повести Стругацких, Астрид Линдгрен и «Тайны гравитации» профессора Иванова...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.